

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

КНИГА ТРЕТЬЯ

ДОКТОР V

ЕКАТЕРИНА ОРЛОВА

Закрытый клуб

Екатерина Орлова

Доктор V

«Автор»

2020

Орлова Е.

Доктор V / Е. Орлова — «Автор», 2020 — (Закрытый клуб)

ISBN 978-5-532-97677-1

Когда я встретил Эли, все мои принципы полетели к чертям. Конечно, невинная девушка не пара одному из самых опытных доминантов клуба «V». Но разве можно добровольно отпустить, когда ее запах так опьяняет, а вкус заставляет забыть обо всем? Только мое жестокое прошлое и совершенный мной когда-то низкий поступок способны разлучить нас. И я отпущу ее ради ее же безопасности. Даже если придется заплатить за это собственным сердцем. Будет горячо и откровенно. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-97677-1

© Орлова Е., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 1.2	9
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 3.1	17
Глава 4	20
Глава 4.1	22
Глава 5	24
Глава 5.1	27
Глава 6	29
Глава 6.1	32
Глава 7	35
Глава 7.1	38
Глава 8	40
Глава 8.1	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Екатерина Орлова

Доктор V

Пролог

Когда она вот так прикасается ко мне своими нежными тонкими пальчиками с почти прозрачной кожей, через которую просвечивают голубоватые вены, я покрываюсь мурашками. Задерживаю дыхание, втянув побольше ее запаха. Шоколад с корицей. Этот запах теперь всегда будет ассоциироваться у меня с ней. Если бы еще полгода назад кто-то сказал мне, что я – владелец самого крупного БДСМ-клуба города – буду стоять, зажмурившись и затаив дыхание, и наслаждаться легким касанием пальцев женщины, мысленно умоляя, чтобы она не оставалась, то рассмеялся бы ему прямо в лицо. Теперь же я просто боюсь пошевелиться, чтобы это не заканчивалось. Чтобы она никогда не отходила от меня ни на шаг. Только Элисон умеет так касаться. Смешно, но я даже боюсь открыть глаза, чтобы она не исчезла. Мне просто хочется чувствовать ее.

Я прислушиваюсь к ощущениям и понимаю, что волоски на теле встали дыбом, а по позвоночнику пробегает дрожь. Как можно одновременно возбуждаться и испытывать трепет? Черт, Винс, ты же врач. Это все химические реакции. Просто твой организм так реагирует на удовольствие. Ни хрена подобного. Я провел чертову уйму сессий, оттрахал кучу разных женщин, но ни одна не оказывала на меня такого влияния.

Удовольствие – это продукт работы одного из центров сознания. И это правда, меня так учили в университете. Но когда ты его испытываешь, то не думаешь о том, как описать настолько мощное и сильное чувство. Ты просто проживаешь его, пропускаешь через все нервные окончания и наслаждаешься покалыванием на коже, внутри себя, ноющим чувством за грудиной, которое утраивает наслаждение.

Она просто гладит меня. Всего лишь прикасается и наверняка смотрит в глаза, как делает всегда, чтобы уловить мою реакцию. Эти большие темные глубины наверняка сейчас мечутся по моему лицу в попытке понять, что я чувствую, какие эмоции испытываю. И я бы ответил, потому что привык говорить прямо.

Но именно в эту секунду не могу и рта раскрыть. Я вдохнуть-то нормально не в силах, потому что не могу поверить в свое везение. Хочу посмотреть на нее, сказать, как сильно завишим от нее, но не могу. Я пытаюсь открыть рот, но он как будто склеен. Протягиваю руки, но вместо объятий они почему-то проходят сквозь ее тело, словно она призрак. Я начинаю паниковать. Теперь я вижу Элисон, но никак не могу ухватиться за нее, не могу погладить. Чувствую, как мои брови сходятся на переносице, как напрягаются челюсти в попытке разомкнуть губы. Мне уже хочется кричать, выть и реветь от отчаяния, что я все никак не могу обнять женщину, без которой не могу дышать.

Мысленно кричу ей:

– Детка! Эли! Позволь обнять тебя! Не исчезай! Останься со мной! Пожалуйста, умоляю!

А потом я распахиваю глаза и делаю шумный вдох. Он выходит настолько громким, как будто я действительно до этого задерживал дыхание на протяжении длительного времени и сейчас жадно втягиваю кислород в горящие легкие. Резко сажусь и прикладываю ладонь к груди, за которой бешено колотится сорвавшееся сердце. Оно ноет, как будто оплакивает Эли. Я упустил свою девочку. Но ее не убили, я успел. Не убили. И я вынужден отпустить ее, только чтобы не подвергать опасности. Сжимаю волосы пальцами и сильно тяну, пытаюсь душевную боль хоть ненадолго заменить физической. Так легче. Это должно помочь. Но нет. Ни хрена не помогает. Я не могу без нее. Как бы сильно ни старался сделать так, как будет лучше для

нее, мне ни хрена не удастся. Я настолько эгоистичен, что завтра снова – как вчера, позавчера и день до этого – поеду к ее дому и буду смотреть, как она после работы вывозит больную мать на прогулку. Буду всматриваться в ее лицо, выискивая на нем страдания. Потому что мудак внутри меня подпитывается тем, что видит, как она скучает. Если бы я хотя бы раз увидел, что она улыбается, то, наверное, оставил бы ее в покое, позволив продолжать свою жизнь без меня.

Поворачиваю голову и глажу подушку, которая еще хранит тонкий аромат ее духов и этот вездесущий запах шоколада с корицей. От нее всегда так пахло. Даже в день нашей первой встречи. Там, в больнице. Я тогда чуть голову не потерял, когда увидел миниатюрную девушку с длинной косой. И теперь я жадно вдыхаю этот запах, прижав подушку к лицу. Я готов задохнуться и умереть, лишь бы с этим ароматом.

– Эли, – шепчу, как полоумный. —Я скучаю, малышка.

Глава 1

Винс

– Когда приедет медсестра? – спрашиваю, выгружая из машины наши сумки.

Одри окидывает деревянный домик равнодушным взглядом и, пожав плечами, отвечает бесцветным голосом:

– Обещала к вечеру.

– А как она доберется в эту глушь?

Снова бесстрастно поднимает и опускает плечи. Одри настолько сейчас погружена в себя, что ей будет наплевать, даже если земля в следующую минуту разверзнется и поглотит все вокруг, включая ее саму. И на первый взгляд кажется, словно она никогда не выберется из этого состояния. ПТСР – это не пустое понятие для Одри Ланкастер. Но то, что она сама попросила о помощи, говорит о том, что она сильная личность, готовая бороться за свою жизнь и выгрызть у паники нормальное существование. Нужно только немного помочь ей в этом.

Чуть ли не впервые с момента нашего с Одри знакомства я не отпускаю шуточек и не улыбаюсь постоянно. Друзья в шутку называют меня «Доктор Ви», но Одри доведется прочувствовать на себе всю силу этого прозвища.

Пару лет назад я оставил практику в больнице, потому что чувствовал, что становлюсь хуже своих пациентов. Если они хотя бы не понимали, что сошли с ума, то я ощущал, как с каждым днем меня все стремительнее покидает рассудок, и испугался. Когда-то я вывел для себя простую истину: если ты чувствуешь, что сходишь с ума и тебе от этого становится страшно – значит, не все потеряно, и тебя еще можно спасти. Но если ты наслаждаешься данным процессом, то шансов нет. Так вот, мне стало страшно. Не просто страшно, я боялся даже думать о том, что окажусь на месте тех, кому вкалывали седативные препараты, потому что вряд ли я стал бы похож на Колина – нашего самого спокойного пациента. Я был бы буйным. Тем, кто постоянно нарушает больничный режим и доставляет хлопоты санитарам.

Как только оставил врачебную практику, я засел дома с бутылкой виски. Мы заперлись с ней в гостиной и стали думать, чем нам заниматься дальше. Я всегда был непостоянным в отношениях, поэтому первую бутылку сменила вторая, а за ней и третья. Те, кто думает, что психиатры всегда пребывают в состоянии дзен, сильно ошибаются. Мы тоже живые люди, которые испытывают эмоции и плохо с ними справляются. Некоторые вообще не выдерживают и сходят с ума или даже кончают жизнь самоубийством. Одно дело влезть в чужие мозги, изрядно в них поковыряться и найти источник проблем, и совсем другое – в своих, куда ты не можешь заглянуть как сторонний наблюдатель, чтобы вытянуть на поверхность корень зла. Поэтому практически у каждого психиатра есть свой психоаналитик, который лечит наши души, покрытые слоями чужих проблем. И так специалист, слой за слоем, снимает с тебя груз психологических трудностей.

Я никогда не был чувствительным и не пропускал через себя болезни и симптомы своих пациентов. В противном случае можно просто лечь рядом с ними и смотреть в потолок невидящим взглядом, ожидая следующей дозы седативного. Моими способами избежать сумасшествия стали юмор и секс. Сначала это просто помогало сбросить напряжение. Я менял партнеров в поисках свежих ощущений, которые позволяют мне отключиться и найти ту точку опоры, которая даст силы двигаться дальше без оглядки на прошлое. Я так увлекся телесными удовольствиями, что сам не заметил, как оказался в Теме. Не то чтобы меня туда кто-то насильно тянул. Я лишь ослабил свой самоконтроль и позволил жизни вести меня за руку, чего раньше себе никогда не позволял. В итоге я стал владельцем клуба, который предыдущий владелец собирался закрывать. Мне пришлось потратить все свои сбережения, чтобы купить его и внести изменения, которые посчитал для него полезными. И не прогадал.

В мой клуб стремятся все, кто хотя бы немного связан с Темой. Каждая приватная комната расписана на недели вперед, люди готовы платить за это немалые деньги. Я создал свое царство на руинах провалившейся идеи и теперь упиваюсь результатами своего труда. Без ложной скромности скажу: я достиг успеха, который сделал меня знаменитым в определенных кругах.

Я не страдаю ненужной скромностью, и тщеславие мне, как и другим людям, не чуждо, поэтому действительно наслаждаюсь своей работой. Но мне пришлось отодвинуть ее на второй план, когда с Одри случилась беда. К этой девочке я питаю особую слабость. Не знаю, почему и когда это случилось, но она мне дорога, как будто является членом моей семьи или даже частью меня самого. Самое интересное во всем этом, что я никогда не чувствовал к ней сексуального влечения, хоть и был ее первым Домом. И чуть ли не единственным.

Одри попала в мой клуб случайно, и я стал тем, кто провел для нее краткий экскурс в Тему. С тех пор она играет за мою команду, быстро приняв решение, что хочет стать Доминатрикс. И преуспела в этом деле, хотя я всегда видел в ней задатки самбиссив, готовой отдать контроль в мужские руки. В какой-то момент я уж было думал, что ошибся – чего со мной обычно никогда не случается, – но потом появился Келлан и расставил все по своим местам, подтвердив мои догадки о том, что Одри просто нуждалась в правильном Доме.

Теперь же Одри была не похожа на саму себя: избитая, потрепанная, истерзанная. Оболочка той жизнерадостной и сильной девушки, которая в моем клубе поставила на колени не одного мужчину. Я помогаю ей занести чемоданы. Мы как раз поднимаемся к крыльцу, когда позади нас останавливается машина. Я оборачиваюсь. Такси. Всматриваюсь и замираю, когда открывается задняя дверца и оттуда появляется та самая медсестра с длинной косой. Мне даже кажется, что день перестал быть таким унылым и пасмурным. Словно выглянуло солнце. Отвратительно сопливо звучит, но в эту самую минуту я вижу именно это: как все вокруг озарилось светом и как стало тепло. Я ставлю чемодан Одри на веранде и спешу помочь девушке, которая тянет свой от отъезжающей машины, и попутно рассматриваю ее. Она одета в легкое платье до колен, короткую светлую джинсовую куртку, а на ногах у нее сапоги, похожие на ковбойские. Вместо одной косы заплетено две, и они перекинуты через плечи. Почему-то в этом образе она еще трогательнее, чем в медицинской форме, и я не могу отвести от нее взгляда.

– Давайте помогу, – предлагаю, подходя к ней.

– Спасибо, – говорит она нежным голосом, похожим на голос феи.

Когда-то давно моя мама читала мне сказку про Питера Пэна. Но не его приключения меня интересовали. Я так живописно представлял себе фею Динь, что у меня в голове сложился определенный образ. И вопреки всеобщему представлению, что у нее были светлые волосы, я все время видел ее с темными. Как вот у этой медсестрички, имени которой даже не знаю.

– Меня зовут Винсент, – представляюсь я, пока мы идем к дому.

– Элисон, – отвечает она и слегка краснеет, а я готов крепко зажмуриться, чтобы последнее изображение – ее краснеющей – навсегда было выжжено в моей памяти.

– Приятно познакомиться, Элисон, – говорю, жадно пожирая глазами румяные щеки.

Глава 1.2

Я просыпаюсь по будильнику, потому что решил начать терапию Одри с установления четкого режима. Она должна почувствовать себя в безопасности, а этому способствует, в первую очередь, заведенный порядок дня без отклонений от графика. Пробуждение, гимнастика или йога, завтрак, душ, прогулка, терапия, отдых, потом обед и снова терапия, прогулка перед сном, ужин, душ, какой-нибудь досуг и сон. Одри серьезно настроена на борьбу за свое душевное здоровье. Она установила планку в два месяца, за которые мы должны вернуть ее в реальный мир без того, чтобы пугаться каждого прикосновения или внимания со стороны мужчин. Пока она подпускает к своему телу только Элисон. Лишь ей доверяет помогать с уходом за собой. И я Одри понимаю. Будь у меня выбор, я бы тоже доверил Элисон заботиться о моем теле.

Потягиваюсь и сажусь на кровати. Тру лицо, прогоняя сон. Мне нужно придумать, какой физической нагрузкой буду истязать свое тело в лесу, потому что я склонен к полноте, и даже день промедления грозит мне возвращением к прежней форме. Точнее, к ее отсутствию. Встаю и открываю шторы, чтобы выглянуть на задний двор и полюбоваться лесом в утреннем свете. И я люблюсь, но не лесом.

Сейчас мне хочется одновременно расцеловать чувака, придумавшего позу «Собака мордой вниз», и свернуть ему шею. Это благословение и проклятие для мужчин, особенно только что вставших с кровати и старающихся не обращать внимание на утренний стояк. Я жадно пожираю взглядом обтянутые спортивными леггинсами бедра, вздернутую вверх дерзкую попку, которая так и молит о моих ладонях. Длинные темные волосы собраны в смешной небрежный пучок, который в данную секунду касается коврика. Ее лицо красное от напряжения, но это все равно возбуждает, как тот румянец накануне днем. Элисон великолепно сложена, но как будто не догадывается о своей красоте. И, хотя у нее есть немного избыточного веса, это ее совсем не портит, даже добавляет некой изюминки.

Я сжимаю стояк через боксеры и пытаюсь разжать челюсти, чтобы не раскрошить себе зубы, глядя на нее. Она грациозно выгибает тело и теперь лежит животом на коврике, упираясь в него руками. Задирает голову, прикрывает глаза, а на лице играет загадочная улыбка.

– Твою мать, – шепчу я, не в силах отвести от нее взгляда. Раньше я так быстро не западал на женщин, но, глядя на Элисон, мне кажется, что всегда так на нее реагировал, хотя вижу всего лишь третий раз в жизни.

Я мечусь между желанием стянуть боксеры и передернуть или пойти принять холодный душ и успокоиться. Зажмуриваюсь, делаю глубокий вдох, а когда открываю глаза, рядом с Элисон уже расстилает свой коврик Одри. Другой бы на моем месте точно подрочил, ведь как раз перед моими глазами две шикарные женщины такое вытворяют в обтягивающей одежде... Но мое возбуждение спадает в мгновение ока, когда я замечаю темные круги под глазами Одри. Она снова не спала, и мне хочется как можно скорее начать наш сеанс терапии, чтобы помочь ей.

– Доброе утро, дамы, – здороваюсь, подходя ближе через двадцать минут.

Элисон уже закончила занятие и теперь сидит на коврике в позе лотоса, глядя на то, как занимается Одри. Медсестра прекрасно выглядит даже слегка растрепанная после занятия йогой. Ее нежная кожа покрылась румянцем, а красивое личико обрамляют выбившиеся из прически пряди. Такая трогательная и милая.

– Доброе утро, – здоровается она, бросая на меня быстрый взгляд. Когда замечает, что я в одних тренировочных штанах, она краснеет сильнее и быстро отводит взгляд, но успевает перед этим рассмотреть мой голый торс.

– Ты куда-то собрался? – спрашивает Одри, выравниваясь.

– На пробежку. Не хотите составить мне компанию? – Обе девушки, как по команде, кривятся, и это забавляет меня. – Тогда до встречи.

Надеваю наушники и направляюсь от домика в сторону тропинки. Оглядываясь вокруг, понимаю, что выбрал правильное место для реабилитации. Живописный густой лес с тропинками, ведущими к небольшому озеру. Приятель, у которого я снял этот домик, сказал, что в озере можно купаться, и это радует. Погода не совсем располагает к длительным водным процедурам, но после пробежки я бы мог окунуться разок.

Сосредотачиваюсь на дыхании, музыке и ритмичном постукивании кроссовок о землю, позволяя себе продумать план лечения Одри. Я не учел того, что даже после снотворного она может так плохо спать. Но повышать дозу лекарства не стану, потому что иначе она будет слишком вялая, а мне нужно, чтобы Одри была бодрой и готовой изменить свое мышление.

После сорока минут бега по пересеченной местности я спускаюсь к озеру. Там отжимаюсь, приседаю и растягиваюсь еще раз. Сбрасываю с себя одежду и ныряю в прохладную воду. Я бы даже сказал в холодную, потому что первые пару секунд у меня перехватывает дыхание. Но потом я начинаю наслаждаться плаванием. Озеро правда небольшое, так что делаю пару заплывов к противоположному берегу и возвращаюсь. Когда сил уже не остается, выхожу на берег, натягиваю на мокрое тело боксеры со штанами, снова обуваюсь и бегом возвращаюсь в домик.

Меня встречает запах блинчиков, шоколада и долбаной корицы. И я мгновенно чувствую напряжение в штанах, как будто не видел до этого подавленной Одри, не сбрасывал искрящую энергию бегом и купанием. Пытаюсь проскочить мимо девочек, которые сидят на открытой кухне и завтракают, но каким-то странным образом мой взгляд цепляется за розовые губы Элисон скользящие по вилке, и устремляется к ее расширившимся глазам, ласкающим мое тело.

– Ты вернулся? – спрашивает Одри, и я замираю перед входом в коридор, ведущий к спальням.

Поворачиваться нельзя, спортивные штаны ничего не скрывают, поэтому коротко бросаю через плечо:

– Да. Сейчас быстро в душ и присоединюсь к вам.

Не смотри на нее. Не смотри на нее.

Сдаюсь и все же оглядываясь, но не поворачиваясь всем телом. Только одним глазком, мимолетный взгляд на девушку и сваливай. Но он буквально застревает на темной копне влажных после душа волос и больших глазах, что с интересом рассматривают мою задницу. А потом Элисон ловит мой взгляд и густо краснеет. Черт, эта ее особенность меня в могилу сведет. Я за время пребывания с ней в этом домике, наверное, рискую стереть ладони в кровь. Потому что нет ни единого дьявольского шанса, что я сейчас пойду в душ и не буду там касаться себя, думая о ней. Резко разворачиваюсь и сваливаю, чтобы не надеть глупостей или не ляпнуть что-нибудь неподходящее. Например, предложить потереть мне спинку.

Глава 2

Эли

Вожу носком ботинка по земле, а потом утаптываю пыль, пока слушаю о том, как мама провела день с новой сиделкой.

– Она мне нравится, милая. Правда нравится. Она забавная и понимающая. Без лишнего сочувствия и никакой жалости. Все, как я люблю, – говорит она.

– Меня беспокоит, что я уехала как раз, когда мы сменили тебе сиделку.

– О, не переживай. Я же не беспомощная. У меня просто нет ног, – смеется мама.

За столько лет она привыкла принимать свое состояние и относиться к нему с некоторой долей юмора. Думаю, это позволяет ей не сойти с ума. Как и мне.

Я стала медсестрой в первую очередь ради мамы. Когда мне было восемь, она попала в страшную аварию и ей ампутировали обе ноги до коленей. Отец ушел от нас, не выдержав напряжения, поэтому мне приходилось самой ухаживать за мамой. Именно тогда моё детство закончилось. Все время, пока мои подружки сначала катались на велосипедах, а потом бегали на свидания, я училась жить в новой реальности. Мы приспособливались к ней вместе с мамой.

Поначалу она ожидаемо впала в депрессию: постоянно плакала и ненавидела себя и отца за то, что я была вынуждена жить в таких условиях. Но когда над нами нависла угроза того, что меня могут забрать у мамы, она мгновенно взяла себя в руки. Нашла удаленную работу, стала чаще вставать с постели и буквально зубами вырвала меня из цепких лап органов опеки, в чем ей помогла ее сестра, моя тетя. С тех пор мы живем вдвоем с мамой и заботимся друг о друге. Так что когда я закончила школу, то пошла в школу медсестер, чтобы у меня была возможность самой делать ей уколы и массажи, потому что денег на приходящих специалистов, как правило, не хватало.

– Как много сегодня написала? – спрашиваю я, чтобы перевести тему на более безопасную.

– Пока только несколько страниц, дорогая. Ким возила меня на прогулку утром. Представляешь, мы даже до парка добрались.

– Это здорово, мам.

– А у тебя как дела? Как поездка? Надеюсь, получается отдыхать?

– Такое ощущение, что я сюда только отдыхать и приехала. Ставлю уколы и делаю перевязки Одри. Она сегодня даже йогой занималась.

– Йогой? Уже?

– Ага. Не весь комплекс, конечно, но что могла.

– А сейчас вы чем занимаетесь?

– Одри с Винсентом ходили на прогулку, а теперь сидят в беседке, у них сеанс терапии.

Я смотрю в сторону и вижу, что Одри лежит на подушках в беседке, а Винсент сидит напротив и что-то ей говорит. На него тяжело не смотреть. Я все время вылавливаю его взглядом. Винсент совсем не похож на врача-психиатра. У него длинные волосы и все тело в татуировках. По крайней мере, та его часть, что я видела. Воспоминания о его голом торсе, на который я пялилась утром, заставляют мои щеки гореть, поэтому поспешно отвожу взгляд и снова утыкаюсь им в свои ботинки.

– Какой он, этот Винсент? – заинтересованно спрашивает мама. В ее голосе слышен намек.

– Неподходящий, мам, – бурчу я.

– А какой же тогда подходящий?

Я снова смотрю на мужчину и внизу живота сладко ноет. Я еще никогда не была близка с мужчинами, и раньше они не вызывали во мне такой реакции на следующий день после зна-

комства. Это смущает и... будоражит. Винсент резко поворачивает голову и смотрит прямо на меня своим внимательным, пронзительным взглядом. Я быстро опускаю голову, стараясь скрыть пылающее лицо за завесой волос. Даже слегка трясую головой, чтобы локоны упали как можно ниже. Так неловко.

– Мам, давай обсудим позже моих несостоявшихся мужчин.

– У него приятная внешность? – не унимается она.

– Да, – раздраженно отвечаю я.

– Кем он работает?

– Не знаю.

– Ты говорила, он врач-психиатр.

– В прошлом. Не знаю, чем занимается сейчас.

Я чувствую, как мои волосы практически воспаляются от пронзительного взгляда, и едва сдерживаю себя, чтобы не повернуть голову в ту сторону. По коже волнами проносятся мурашки. Волосы, плечи, грудь, бедра и ноги. Как будто они бегут, следуя за его взглядом. Мне хочется содрогнуться от приятного ощущения, но я зажмуриваюсь и пытаюсь прогнать его.

– Ладно, малышка, – со смехом говорит мама. – Мне пора работать. К тому же ты не настроена на разговор.

– Я не настроена на разговор о мужчинах, – бубню, отчего мама смеется еще громче. И я улыбаюсь, потому что обожаю мамин смех. Он чистый и такой открытый.

– Хорошего дня, малышка. Я люблю тебя.

– И я тебя, мам.

Отключаю звонок и сижу, делая глубокие вдохи и медленно выдыхая, пока не чувствую, что лицо приобрело нормальный оттенок, а предательские мурашки покинули мое тело. Слегка поворачиваю голову, чтобы выглянуть из-за волос, как из засады, и успокаиваюсь. Он больше не смотрит на меня. Непонятно, откуда вдруг настигает это легкое разочарование. Мне внезапно хочется, чтобы он смотрел только на меня. Постоянно.

После обеда Одри идет отдыхать. Она еще очень слаба после случившегося, поэтому, как только закончилась утренняя терапия, она задремала перед телевизором в гостиной. Ее слегка знобило, и я укутала ее в одеяло, накрыв сверху пледом. Теперь же, после уколов, она уютно расположилась на кровати и уснула. Я посидела в ее комнате, пока ее дыхание не выровнялось, и, прихватив книгу, покрывало, полотенце и бутылку с водой, вышла на улицу. За завтраком Винсент упоминал про озеро неподалеку, так что я решила прогуляться, захотелось пройтись по воде, насладиться тем, как она омывает ноги, и почитать книгу. Следуя указаниям Винсента, бреду по дорожке, рассматривая окрестности. Невероятно красивый лес. Не слишком густой, чтобы быть темным и мрачным, но и не слишком редкий. Через пушистые еловые ветки проникает солнце, отбрасывая на землю замысловатые тени.

Наконец, выхожу к озеру. Зеркальная гладь поблескивает под солнечными лучами, и я шурю. Мне так спокойно в этом месте, никуда не нужно спешить и ни о чем беспокоиться. По крайней мере, пока Одри отдыхает. Расстилаю небольшое покрывало, кладу книгу, скидываю ботинки и иду к воде. Она немного холодная, но на улице так жарко, что прохлада ощущается как подарок. Не спеша брожу вдоль берега по кромке воды, потому что озеро резко уходит на глубину. Я хоть и умею плавать, но намочить одежду не хочется. А потом меня посещает шальная мысль. Я закусываю губу и смотрю по сторонам, чтобы убедиться, что поблизости никого нет. Улыбаюсь своей смелости и быстро сбрасываю одежду, оставаясь только в нижнем белье. Потом еще раз оглядываюсь и бросаю на покрывало и его. Раз уж я одна, то почему бы не дерзнуть и не насладиться этим одиночеством?

Я с хихиканьем забегаю в воду и ныряю. На глубине она еще холоднее, но это не пугает, а, наоборот, бодрит и повышает настроение. На секунду дыхание спирает, и я вынырываю. С широкой улыбкой рассекаю водную гладь, а потом переворачиваюсь на спину и зажмуриваюсь.

Солнце приятно пригревает лицо и торчащую над поверхностью воды грудь. Так хорошо мне еще никогда не было. Я чувствую себя свободной, дерзкой и как будто внезапно повзрослевшей. Словно до этого момента я была маленькой, а тут вдруг внезапно выросла. Наверное, сказывается то, что я до сих пор живу с мамой.

Глава 3

Винс

Одри тяжело перенесла наш первый сеанс терапии, и теперь ей нужен отдых, чтобы восстановиться. Кроме душевной боли она еще испытывает и физические страдания. Убедившись, что она спит, выхожу из ее комнаты. Около часа назад Элисон вышла из домика. Я думал, что она где-нибудь в беседке или на заднем дворе, но ее нигде нет. Пока я звонил Келлану сообщить о состоянии Одри, медсестра исчезла. Испарилась. Я заволновался, потому что лес – это не самое безопасное место для прогулок. Есть несколько троп вблизи нашего домика, облюбованных людьми, куда дикие животные, как правило, не забредают. Но если сойти с тропы, можно встретить свою смерть.

Я быстро переобуваюсь в походные ботинки, еще раз проверяю Одри и кладу рядом с ней на тумбочку телефон, чтобы она могла позвонить мне, если проснется до моего возвращения. Выхожу из дома и быстрым шагом направляюсь по одной из тропинок. В лесу очень тихо, за исключением постоянных шорохов, которые в нем просто не стихают. Когда я дохожу до озера, то слышу смех. Заливистый. Такой чистый и легкий, как будто смеется фея. Ее смех. Я точно знаю, что он принадлежит ей. Прохожу дальше и почему-то прячусь за деревом, как будто уже знаю, что увижу... Пиздец!

Вот такого я точно не ожидал. Ощущение, что мои яйца сейчас схватили раскаленными щипцами и тянут. Передо мной идеальное, молочно-белое тело, согретое лучами солнца. Элисон ныряет в озеро, а через пару секунд всплывает на поверхность. Я не вижу ее лица, зато прекрасно вижу округлости ягодиц, пока она рассекает зеркальную гладь. А потом она переворачивается на спину и прикрывает глаза, и на ее лице играет широкая улыбка. У меня заходится сердце, когда я смотрю на полную красивую грудь со сморщившимися от холода розовыми сосками. Она призывно торчит над водой и легонько колышется в такт неспешным движениям Элисон. Зажмуриваюсь, как будто мне больно. Хотя мне действительно немного больно от тянущего ощущения в паху.

Потом Элисон начинает кружиться по воде, баловаться и снова смеяться. Я, как зачарованный, наблюдаю за ней из своего укрытия. Я же взрослый мужик, мне стоит развернуться и уйти с озера, но я просто не могу. Ладно, не хочу. Не буду уходить. Еще минутку полюбуюсь ею. Но минутка растягивается на две, потом на три. Я начинаю волноваться, потому что вода в озере достаточно холодная и Элисон рискует схватить судорогу. Ей пора бы выбраться оттуда, но она продолжает барахтаться и смеяться. А я уже напряжен по другой причине.

Мне хочется выйти на берег и приказать ей выбраться из воды. Но эта девушка мне не принадлежит, и я не имею права отдавать приказы. В итоге начинаю метаться, не зная, как правильно поступить. С одной стороны, нужно уйти и оставить ее в покое, а с другой, кроме того, что я воспитанный человек, я еще и врач. И, черт возьми, мужчина. Мужчина, который наслаждается видом мелькающих окружностей, широкой улыбки и смеха, возбуждающих все нервные окончания в теле.

Делаю над собой усилие и разворачиваюсь. Я решаю подождать у тропинки, пока Элисон искупается. Потом можно будет к ней подойти, если будет необходимость. А если нет, то просто свалить в сторону домика. Но недалеко, чтобы, если она заблудится в лесу, помочь ей оттуда беспрепятственно выйти. Я уже представляю себя героем, спасшим девицу, оказавшуюся в беде, когда слышу странные звуки. Всплески воды становятся какими-то резкими, а смех быстро стихает. Быстрым шагом возвращаюсь на свой наблюдательный пункт, а потом срываюсь с места и бегу вниз, на ходу сбрасывая одежду и обувь. Я знал, что так будет. Слишком долгое купание в холодной воде почти всегда приводит к судорогам.

– Помогите! – выкрикивает Элисон, заведя меня. – Винсент! Помогите! У меня... у меня судорогой свело ногу, я не могу плыть!

Пока забегаю в воду и с остервенением гребу к середине озера, не свожу взгляда с ее лица. На нем паника и ужас. От бывшего веселья не осталось и следа. Элисон знает, что с каждой минутой все больше рискует жизнью, оставаясь в холодной воде. Я же совсем не замечаю холода. У меня есть цель, к которой нужно добраться в считанные секунды, иначе она может пойти ко дну. Как только я оказываюсь рядом, Элисон вцепляется в меня мертвой хваткой, обхватывая ногами и руками. Черт, девочка, со мной так лучше не делать. Боюсь, что и в холодной воде ничто не помешает мне возбудиться.

– Тихо, тихо, – бормочу я, прижимая ее к себе. Ее лицо перекашивает гримаса боли. – Где схватило?

– Икры.

– Обе? – Она кивает. Да, совсем хреново дело. – Давай, малышка, перелезай мне на спину, поплыли к берегу.

Она послушно выполняет просьбу, и я начинаю грести. После нескольких гребков я чувствую, как хватка на моих плечах ослабевает, и Элисон начинает медленно соскальзывать. Резко разворачиваюсь и хватаю ее за руки. Она слабеет. Видимо, устала, когда барахталась и боролась с судорогой, поэтому подхватываю ее под грудью и начинаю грести одной рукой, лежа на спине. Элисон доверчиво откидывает голову на мое плечо.

– Потерпи, малышка, мы близко, – говорю ей, на что она лишь кивает.

Как только мы добираемся до берега и мои ступни касаются дна, я выпрямляюсь и виношу Элисон на руках из воды. Она ежится и пытается выпрямить ноги, которые наверняка болят, скованные судорогой. Укладываю ее на покрывало и начинаю разминать икры. Элисон ахает и морщится от боли, но я не останавливаюсь. Подонок во мне шепчет, что вот она, обнаженная и слабая, лежит передо мной, можно же рассмотреть и насладиться видом. Но здравый смысл побеждает, и я сосредотачиваю взгляд только на ее лице. Растираю ноги по очереди, чтобы судорога быстрее отпустила, и буквально ощущаю облегчение Элисон, после чего она шумно выдыхает и, прикрыв глаза, расслабленно опускает плечи.

В этот момент я позволяю себе увидеть то, что ранее было скрыто водой. Я скотина, если в такой момент наслаждаюсь зрелищем. Но не отказываю себе в том, чтобы пробежать быстрым взглядом по телу, которое никого не может оставить равнодушным. Округлая грудь, плоский живот с небольшим бугорком в самом низу, у паха. Я привык к женщинам с идеальными формами, но эта пикантная особенность Элисон что-то творит со мной. Хочется опустить голову и поцеловать ее там, лизнуть кожу, возможно, даже спуститься ниже и попробовать ее на вкус. Внизу, между бедер, у Элисон имеется маленький треугольник волос, а не гладко выбритая кожа, что тоже для меня является чем-то новым. Я извращенец, потому что у меня аж пальцы подрагивают, так сильно мне хочется слегка потянуть за волоски и сорвать резкий вздох с ее губ.

Я резко отвожу взгляд, когда она открывает глаза. Черт, я завелся, глядя на девушку, которая едва не утонула. Хватаю лежащее на покрывале полотенце и прикрываю им Элисон.

– Спасибо, – говорит она дрожащими губами.

И в этот момент я начинаю злиться на нее. Возбуждение разом проходит, когда ярость накрывает темным покрывалом мою душу. Подскакиваю с колен и начинаю натягивать на себя штаны. Мне плевать, что от мокрых боксеров те тоже намокнут.

– Чем ты думала, Элисон?! – ругаюсь я. – Ты же медсестра! Знаешь, что в холодной воде нельзя долго находиться! К тому же, ты была одна. А если бы я не пришел? Если бы некому было тебя спасти? Твою мать! Да здесь на десятки километров ни души!

Я распаляюсь все сильнее и начинаю повышать голос.

– Но ты же был тут, – слабо спорит она, садясь и заворачиваясь в полотенце.

- А если бы не был?! – Я смотрю в ее глаза, полные ужаса и какого-то... восхищения?
- Тогда я, наверное, утонула бы, – тихо произносит она, поднимаясь с покрывала.

Я замираю, когда вижу, как она двигается в мою сторону. Не знаю, чего ждать от нее. Ее взгляд полон восторга, и я понимаю, откуда он берется. Ее мозг быстро проанализировал ситуацию, подсказав, что опасность миновала, а вот этот мужик – спаситель, которого срочно нужно отблагодарить, чтобы он запомнил это надолго. Женщина, побывавшая в опасной ситуации, настроена продемонстрировать свою благодарность спасителю одним единственным способом. Потому что в крови все еще плещется адреналин, а я кажусь ей божеством, которому она обязана поклоняться. Нет, я не имею ничего против поклонения, но не в этой ситуации. Ей самой потом будет стыдно от своего поведения, и она возненавидит сначала себя, а потом и меня.

Я только открываю рот, чтобы удержать ее от этого шага, как Элисон оказывается на расстоянии вытянутой руки и резко сбрасывает полотенце. Я уже видел это тело, но снова пялюсь на него, как умалишенный. Мне нужно оттолкнуть ее, нужно объяснить, чем вызван этот ее внезапный порыв отдаться мне. Но продолжаю стоять и глазеть, как подросток, который впервые видит голую девушку.

Глава 3.1

Не знаю, зачем это делаю, но внутри меня бурлит кровь, летит с сумасшедшей скоростью по венам, запускает сердце, которое начинает колотиться так неистово, что того и гляди выпрыгнет. Я жду секунду, две, три. Жду, что он протянет руку и облегчит мне задачу. Не знаю, притянет меня к себе, поцелует, а потом уложит на одеяло и будет любить. Мысленно усмехаюсь. Такие мужчины, как он, не любят. Они занимаются жестким сексом. Я об этом читала. Но почему-то меня не пугает даже то, что мой первый раз может оказаться далеким от романтических идеалов из книг.

Я протягиваю руку и робко касаюсь его груди. Горячая. И сердце под ладонью так колотится, будто сейчас выскочит из груди. От чувства неловкости не смотрю ему в глаза, но не от того, что сама проявляю инициативу, нет. Мне неловко, потому что я не умею соблазнительно касаться мужчин, не знаю, что нужно делать. Что их возбуждает? Напор? Или, наоборот, нужно сдаться и позволить ему все делать самому? Веду ладонью ниже, очерчивая крепкие мышцы, любуюсь татуировками, которыми покрыто его тело. А он стоит без движения, только сжимает и разжимает кулаки. Тяжело дышит, и чувствую, что не сводит с меня взгляда. Прожигает им до самых костей, отчего я покрываюсь мурашками. Я как будто чувствую его обжигающий взгляд на лице, шее, груди. Мне не стыдно стоять перед ним голой, я, что удивительно, чувствую себя естественно. Как будто рядом с ним только так и надо.

Его сердце ускоряет ритм, когда я провожу пальцами по твердым мышцам живота, отчего его кожа покрывается мурашками, и он выдыхает еще громче. Я вижу, что он хочет меня, что возбужден, но сдерживает себя. Наклоняюсь и целую его грудь. Только когда мои губы касаются его кожи, я понимаю, насколько мне нравится этот контакт. Винсент притягивает меня к себе невидимыми веревками. Вот он стоит, ничего не делает, не прикасается ко мне, а я не могу от него оторваться. Наслаждаюсь тем, как мои губы скользят по его коже, отрываются и снова прижимаются, а он вздрагивает от каждого прикосновения. Я могла бы провести так вечность, просто вдыхая его запах, чувствуя его вкус и ощущая дрожь его тела. Не знаю, почему для меня так важно чувствовать от него отклик. Но у меня даже голова кружится от того, насколько мне хочется знать, что ему нравится то, что я делаю.

– Элисон... – шепчет он, но я не реагирую и не поднимаю голову.

Вся моя робость куда-то уходит. Я веду обеими ладонями по груди, талии, дальше на спину. Не могу перестать целовать и гладить его. Меня это возбуждает. Так чертовски сильно заводит, что я уже плохо соображаю. Выдыхаю в его кожу и снова втягиваю ее запах. Высовываю язык и слизываю стекающие капли воды. Я словно одержимая. Еще никогда мне так отчаянно не хотелось заняться сексом, отдаться мужчине. Гоню от себя мысли о том, что даже не знаю его, совсем не знаю. Кто он? Чем занимается? Кроме того, что он приятель Одри, Винсент для меня – полнейшая загадка. И эти татуировки. Волосы до плеч, завязанные в высокий хвост. Серьги. Черт подери, серьги! У мужчины! Их там не должно быть, потому что они добавляют женственности. Но не в его случае. Такое ощущение, что, окажись на его теле любое украшение, оно придаст ему еще большей мужественности, словно подчеркивая ее, а не смягчая.

У меня кружится голова. Так сильно кружится, что, кажется, сейчас я могу упасть в обморок. Но это означало бы, что мне придется оторваться от его тела, а я не могу, это выше моих сил. Я хватаюсь за резинку его штанов и медленно начинаю тянуть их вниз, но внезапно мои пальцы накрывают горячие мужские ладони, и я смотрю сквозь дымку похоти в лицо Винсента. Он абсолютно серьезен, в выражении нет ни насмешки, ни снисходительности. Он слегка хмурится, а я, как идиотка, пялюсь, считая это выражение лица у него жутко сексуальным. Слегка подаюсь вперед, чтобы намекнуть ему на поцелуй, но Винсент качает головой.

Внезапно на меня обрушивается понимание того, как нелепо все это выглядит со стороны. Голая спасенная девица бросается на своего спасителя, чтобы... отблагодарить, наверное. Или... господи, адреналин в крови – спонсор самых импульсивных поступков. И я ведь знала это еще до того, как демонстративно скинула с себя полотенце, представ перед практически незнакомым мужчиной в чем мать родила. Мне становится так стыдно, что, кажется, горят даже мочки ушей. Я молчу про все остальное тело. Меня как будто посадили в печку: жарко и нечем дышать. И так неудобно, как будто я прошла голой по Лас-Вегас-Стрип.

Пытаюсь медленно освободить свои пальцы, но Винсент держит их крепко. Потом поднимает выше и касается их теплыми губами. Я чувствую, но не решаюсь поднять глаза. Мне настолько неловко, что я отвожу взгляд и обещаю себе больше никогда не смотреть на этого мужчину.

– Посмотри на меня, Эли, – хрипло шепчет он у моей кожи.

Эли... так ласково. Так нежно, как будто я уже стала для него настолько близкой, что он может сокращать мое имя.

– Давай, малышка, тебе нечего бояться, – произносит Винсент негромко, вкрадчиво, с легкой хрипотцой. Хотя, когда он разговаривает, не сдерживаясь, его голос можно назвать громогласным, и он слышен в каждом уголке нашего домика, когда мы все там находимся. И мне это нравится. Такая у него особенность.

Я медленно поворачиваю голову, переставая буравить взглядом полосу песчаного берега, переходящую в траву, и наконец решаюсь посмотреть ему в глаза. Темные, словно омуты, глубокие и затягивающие. Винсент смотрит внимательно, как будто через зрачки читает мои мысли. Мне становится еще более неловко, но его прожигающий взгляд удерживает меня крепко, не давая снова отвернуться.

– Если бы ты знала, как сильно я хочу тебя, Эли, то не смущалась бы так сильно. Или, наоборот, смущалась, знай ты мои мысли. Но я не хочу так, детка, не из чувства благодарности. По собственной воле – это правильно. Когда ты трезвая.

– Я не пила, – в недоумении отвечаю.

– Я не говорю об алкогольной трезвости. Я говорю о трезвом рассудке, не затуманенном чувством избавления от возможной опасности. Когда человек находится на пороге смерти, единственный инстинкт – продолжение рода. Поэтому после всплеска адреналина всем нам хочется секса. Мы возбуждены и нам нужно поскорее направить эту избыточную энергию в нужное русло. Но я хочу, чтобы ты осознавала свои действия. Чтобы хотела меня просто так.

– Я хочу, – говорю, вкладывая в голос всю уверенность, что есть во мне. Я ведь правда хочу его. Он привлекательный, сексуальный. Господи, да он горячий, как ад.

– Давай немного остынем. Дадим себе чуть больше времени.

– Ты со всеми женщинами берешь тайм-аут? – не знаю, зачем спросила это. Как только слова вылетают из моего рта, хочется закрыть лицо ладонями, потому что оно снова начинает гореть.

Вместо того, чтобы разозлиться или нахмуриться, лицо Винсента светлеет, и на нем появляется улыбка. Обаятельная, легкая, открытая. Я завороченно пялюсь на его губы и глаза, которые искрятся весельем.

– А ты со всеми мужчинами такая дерзкая?

– О, господи, нет, – выдыхаю я, снова смущаясь. – Прости, я...

– Не извиняйся, Эли, – он тянет меня за руки, и уже через секунду я оказываюсь прижата к горячей груди. Утыкаюсь в нее носом и вдыхаю запах кожи, пока Винсент обхватывает меня и крепко обнимает. – Ты ни в чем не виновата. Разве только в том, что полезла в холодную воду одна. – Он хмыкает, вызывая мою ответную улыбку. Пусть поддержит меня так подольше. Не хочу возвращаться в реальность. Мне нравится в его объятиях, в них спокойно, и в то же время они будоражат.

Через некоторое время Винсент слегка отстраняется.

– Пойдем. Одри скоро проснется.

– Да. Пора.

Я поднимаю с песка полотенце, быстро заворачиваюсь в него и шагаю к своим вещам. Сейчас, когда уровень адреналина сходит на нет, я чувствую себя уставшей, разбитой и как будто... опозоренной. Мой поступок был идиотским, и я, наконец, в полной мере начинаю ощущать это. А еще испытывать чувство благодарности к Винсенту за то, что он не посмеялся надо мной и не воспользовался ситуацией. Похоже, из нас двоих он – единственный здравомыслящий человек.

Пока натягиваю на себя одежду, краем глаза слежу за Винсентом. Он не смотрит в мою сторону, и я позволяю себе рассмотреть его. Он все еще возбужден. Может, мне стоило... не знаю, помочь ему с этим? Я резко отворачиваюсь и, зажмурившись, ругаю себя за дурацкие мысли.

Назад мы идем в тишине. Мне неловко нарушать ее, хотя на языке танцуют десятки вопросов. Но только сейчас осознаю, что я Винсенту чужой человек, и вряд ли он станет распространяться, например, о своих татуировках и о том, чем занимается. Поэтому я пока держу язык за зубами и шагаю рядом с ним, просто наслаждаясь его обществом. Перед самым домиком Винсент резко останавливается и поворачивается ко мне. Я тоже замираю. Долгую минуту он буравит меня взглядом, а потом произносит то, что снова впрыскивает убийную дозу адреналина в мою кровь.

– Я обязательно возьму тебя, Эли. Не сейчас, позже. И ты будешь чувствовать и осознавать все, что я буду с тобой делать. Тебе понравится.

Он легко подмигивает, как будто только что не взболтал мои внутренности в похотливом блендере, разворачивается и скрывается в домике. А я остаюсь на месте, ждать, пока сердце хотя бы немного замедлит свой ритм, а лицо перестанет гореть.

Глава 4

Винс

В обычной ситуации я бы не упирался. Взял бы то, что мне предлагают, и воспользовался подтвердившейся возможностью. Так я поступаю всегда. Но сейчас мы не в обычной ситуации. Что-то подсказывает мне, что с Элисон не прокатит так, как я привык обращаться с женщинами. С ней нужно аккуратно. Она так вела себя у озера, будто не знает, что делать. Наслаждается ситуацией, но, как поступить дальше, куда положить руку, где провести губами, что сказать и как прижаться, не знает. Вряд ли Элисон девственница, хотя, я не исключаю и такого варианта. И, обычно, даже сама мысль о ее неопытности оттолкнула бы меня. Я привык иметь дело с женщинами, которые знают, чего хотят, и готовы подчиняться. Но в Эли меня заводит именно эта ее неопытность, робость. Как будто медленно распаковываешь рождественский подарок, предвкушаешь, что там будет нечто, о чем ты давно мечтал или чего хочешь до дрожи.

Вчера, после нашего возвращения с озера, я занимался рутинными делами, продолжил терапию с Одри, которая на удивление хорошо поспала днем. Я планирую через пару дней подключать гипноз, потому что она поставила слишком короткие сроки для того, чтобы избавиться от страхов и душевной боли. И мы будем продолжать даже по возвращении в Вегас, но сегодня Одри выдает мне такую идею, что даже у меня – психиатра со стажем – волосы шевелятся на затылке.

– Через два месяца, Винс, я хочу, чтобы Келлан провел со мной сессию.

Мои глаза округляются, и я давлюсь кофе. Она заботливо стучит по моей спине и заглядывает в глаза. В ее взгляде столько решимости и безумства, что меня практически окатывает жаром. Но она сейчас не то что не готова, Одри чертовски далека от сессий в БДСМ-клубе, как будто она и Тема находятся на разных планетах.

Я откашливаюсь и выпрямляюсь.

– Одри, это идиотская затея.

– Правда? – устало спрашивает она, откидываясь на подушки. Сегодня прохладно, и Одри притащила в беседку плед, чтобы закутаться в него.

– Правда.

– Тогда расскажи мне план, доктор. Как долго я буду всего бояться?

– Два месяца – это крайне малый срок, даже с учетом гипноза.

– Так сделай так, чтобы мне этого хватило. – Я молчу, а она тяжело вздыхает и продолжает: – Винс, я не хочу бояться каждой тени. Я устала шарахаться и ждать, что кто-то причинит мне боль. В этом долбаном страхе я живу всю свою жизнь. Сначала боялась разочаровать маму, которая растила из меня инкубатор для миллионера. Потом боялась призрачной тени своего будущего мужа, потому что не знала, кого отец выберет мне в спутники жизни. Дальше он выбрал человека, который меня чуть не убил, а теперь, когда он мертв, я боюсь чужих прикосновений.

– Одри, но сессия – это охренительно плохая идея. Ты можешь просто переспать с Келланом и успокоиться.

– Не могу.

– Не дури, Одри. Говорю тебе как врач: это тебя сломает. Тебе сейчас кажется, что ты разбита, но после сессии от тебя останется только пыль.

– Что ты предлагаешь?

– Спокойно и планомерно двигаться к цели. – Она качает головой, но я не даю ей и слова вставить. – Сначала перестать бояться чужих касаний, лечиться от страхов и кошмаров, панических атак. Медленно входить в отношения с Келланом. Детка, он полон терпения, только

бы помочь тебе. – Она сильнее мотает головой, глядя в одну точку. – Потом можно попробовать петтинг, за ним легкий секс, а уже примерно через год можно подумать о сессии.

На последнем предложении она резко вскидывает голову и впивается в меня взглядом. Острым, как бритва, полным страха и злости.

– Через год?! – спрашивает, повышая голос. – Через год я удавлюсь, Винс! Я не могу постоянно жить в страхе, ожидая, что вот-вот появится кто-то, кто нанесет мне еще больше вреда.

– Поэтому мы и проводим терапию. Чтобы ты перестала ждать плохого и сосредоточилась на хорошем в своей жизни. Смотри, – я устраиваюсь поудобнее, – ты перечислила все факторы страха, которые держали тебя в напряжении много лет. Я хочу, чтобы ты осознала, что они больше не влияют на твою жизнь. Ты достаточно взрослая и свободная, чтобы не зависеть от мнения матери и не выходить замуж за того, кого выберет отец. Угроза нанесения увечий миновала со смертью Кенвуда, как и угроза стать женой монстра. В твоей жизни остались только Келлан, друзья и широкая дорога, направление которой ты вбираешь сама. Опасности нет, Одри. Она миновала. И мы будем убеждать тебя в этом, пока ты не согласишься.

Я несусь через лес, набирая скорость. Мне нужно выплеснуть все то, что я насобирав от Одри. Весь негатив, который она выплеснула на меня. Терапия изматывает не только пациента, но зачастую врачу тоже достается немало. Особенно если учитывать то, что Одри для меня не чужой человек.

Переключаю мысли, чтобы сбросить с себя эту тяжесть, и теперь думаю не об Одри, а об Элисон. Сегодня она особенно притихшая, и я знаю, почему. До нее дошел смысл всего произошедшего на озере. Врач во мне говорит, что надо побеседовать с девочкой и объяснить ей, что все в порядке, это был сиюминутный порыв. Но мужчина наслаждается ее смущением, ловит взглядом розовеющие щеки, дрожь пальцев в моем присутствии. Она трепещет, когда я рядом, и мое эго выпрямляет спину, выпячивает грудь и жадно впитывает каждую реакцию. Элисон потрясающая.

Она сама не отдает себе отчет в том, насколько сексуальна. Как будто ей всю жизнь говорили, что она серая мышка и не достойна чего-то экстраординарного. И у меня аж пальцы зудят показать ей, чего именно она достойна. Но тут мне придется притормозить, потому что, если я буду показывать ей это в обычной своей манере, вряд ли смогу убедить ее в том, что она – особенная. Скорее, продемонстрирую, что она достойна только шлепков и развлечений. Так что мне нужно разработать план и продумать, как я буду распечатывать свой подарок. Медленно и со вкусом, наслаждаясь каждой секундой сладкого предвкушения. То, что я этот подарок распечатаю, нет никаких сомнений, потому что Элисон уже крепко засела в моих мыслях.

А потом мысленно резко притормаживаю и спрашиваю себя, имею ли я моральное право хоть что-то начинать с этой девочкой, учитывая немалый багаж за своей спиной. У меня есть... прошлое. И вряд ли Элисон готова будет с этим мириться. Да ни одна женщина не будет готова, если так поразмыслить. Только если ее влюбить в себя, а потом уже вывалить лучшую часть. Но это было бы жестоко, и даже такая эгоистичная скотина, как я, это понимает. Да, наверное, лучше отказаться от этой идеи. А то намечтал себе: подарок, Рождество...

На обратном пути я чувствую себя гораздо лучше. Мысли очистились, и теперь я могу рассуждать здраво. Поравнявшись с озером, спускаюсь вниз и испытываю чувство дежавю. В нем снова плавает Элисон, и мне хочется надрать ей задницу за непослушание. Давлю в себе эмоции, в который раз напоминая себе, что она мне не принадлежит. Пока что. И вот так просто все доводы рассудка рассыпаются в прах, отступая в темный уголок под напором желания.

Глава 4.1

Я подхожу к озеру и люблюсь тем, как она плавает. Но тело напряжено, оно готово снова броситься в воду за ней. Поэтому я стягиваю кроссовки, носки и штаны, чтобы быть готовым в любую секунду. А потом, не дождавшись очередного провала Элисон, сам ныряю в озеро. Когда выплываю, она глазеет на меня широко распахнутыми глазами, барахтаясь в паре метров от меня. Я подплываю ближе.

– Доброе утро, – здоровается она, видимо, пытаясь увести меня от опасных мыслей. Как будто боится снова разозлить.

– Не такое уж оно и доброе, Элисон, если я снова застал тебя плескающейся в озере в одиночестве.

– Сегодня вода теплее.

– Это не оправдывает твоего безрассудного поступка.

Черт, не могу сдержаться. Чувствую, как брови съезжаются к переносице, а лицо хмурится. Я разговариваю с ней, как со своей сабой, и это не очень хорошо. Потому что Элисон знает меня без году неделю и может воспринять этот тон враждебно. А мне нужно, чтобы она была ко мне расположена.

– Я...

Медленно выдыхаю, перестраиваясь. Чтобы не пугать и не напирать, как я умею это делать.

– Не волнуйся, я уже на месте. Если вдруг в этот раз судорога выберет меня, рядом со мной есть медсестра, которая умеет оказывать первую помощь, – говорю, расслабляя лицо.

Элисон теперь смотрит с еще большей опаской. Видимо, подозревает у меня биполярное расстройство. Это веселит еще больше, и я, не сдержавшись, улыбаюсь. Элисон вторит моей улыбке, но как-то неуверенно и слегка натянуто. Я так и слышу, как у нее в голове крутятся шестеренки, и она прикидывает, стоит ли так бездумно доверять мне.

– Я поплаваю, – говорю ей и, подмигнув, удаляюсь, оставляя Элисон делать собственные выводы в отношении меня.

Пока гребу, прокручиваю в голове картинку ее твердых сосков под водой. Сегодня она была предусмотрительнее и пошла плавать в белье, но это ни хрена не спасает ее. Потому что, когда гребу назад, вижу, как она выходит из воды в светло-сером хлопковом комплекте, трусики которого облепили ее задницу, словно вторая кожа.

– Блядь, – вырывается из меня, и я наворачиваю еще несколько кругов по озеру, пока не убеждаюсь, что не наброшусь на девушку, как только окажусь на берегу.

Элисон уже завернута в полотенце, сидит на покрывале и читает книгу.

– Что читаешь? – спрашиваю, натягивая штаны.

– «Клиническая анатомия», – отвечает она, поворачивая книгу обложкой ко мне. Я хмыкаю и присаживаюсь рядом.

– Увлекательное чтиво. Я думал, девушки твоего возраста увлекаются любовными романами.

– Я читаю их под одеялом ночью, – парирует она и запускает необратимый процесс.

– А чем еще ты занимаешься ночью под одеялом, Элисон? – спрашиваю я тихо у самого ее уха. – Когда читаешься романов. Что ты делаешь?

Я вижу, как кожа на ее шее покрывается мурашками, а щеки – румянцем. Бинго! Эффект достигнут. Не могу отказать себе в удовольствии полюбоваться этой реакцией. Своим румянцем она ответила на мой вопрос. Малышка Эли любит пошалить под одеялом. Как только представляю себе эту картину, член тут же напрягается, несмотря на то, что упакован в мокрые после холодной воды боксеры.

Элисон бросает на меня быстрый взгляд и снова утыкается в книгу.

– Ничего, – отвечает она себе под нос.

– Совсем ничего? – Она качает головой. Я решаю зайти с другой стороны. – Зачем ты читаешь эту книгу? Она чертовски скучная, это я тебе как врач говорю.

– Я хочу получить диплом врача. Поэтому готовлюсь к поступлению.

– То есть ты, как будущий врач, должна знать анатомию на отлично. – Она кивает, даже не догадываясь пока, что этот разговор перестал быть невинным еще с момента появления румянца на ее щеках. – А как же ты ее собираешься изучить, не трогая себя? Ночью под одеялом. Или днем.

Элисон смотрит на меня расширившимися глазами, а я при этом слегка улыбаюсь и приподнимаю одну бровь, побуждая ее ответить на провокационный вопрос.

– На... на манекенах.

– На манекенах, – повторяю я. – В то время как твои сокурсники изучат анатомию гораздо лучше, выбрав путь самопознания.

– Господи, – выдыхает она, – о чем вы вообще говорите? При чем здесь одно к другому? Я беру влажную прядь ее каштановых волос и тру между пальцами. Мягкая.

– А при том, милая Элисон, что, пока не постигнешь все грани и возможности своего тела, ты не сможешь лечить тела других людей.

– Может, я хочу лечить души, как вы?

– Гиблая затея. К тому же, я ведь вижу, что ты настроена стать... Кем? Хирургом? Неврологом?

– Гинекологом, – смущаясь, отвечает она, а я при этом испытываю сумасшедшее удовольствие.

– Тогда тем более тебе сначала нужно постигнуть тайные места своего собственного тела, чтобы перейти к пациенткам.

Элисон захлопывает книгу и резко поворачивает голову ко мне.

– Я так понимаю, вы предлагаете помочь мне в этом деле? – резко спрашивает она, дернув головой так, что из моих пальцев выскальзывает ее прядь, и я опускаю руку.

– Нет, – отвечаю, а она удивленно приоткрывает рот и слегка хмурится. – Ты должна сделать это самостоятельно, Эли. Ничего мне не обещавай, сделай это для себя. Сегодня ночью. Опusti руку под одеяло и поиграй со своей киской. Никто ведь не узнает, даже я. Просто доставь себе удовольствие. Начни с малого: потри свой клитор и почувствуй возбуждение. Найди точку, которая вознесет тебя на вершину. Этого будет достаточно для первого раза.

Мне надо было остановиться еще пару предложений назад, но меня несет. Без остановки, как на американских горках. Дух захватывает от одной мысли о том, как она будет наслаждаться своей рукой этой ночью, сдерживать всхлипы и стоны, чтобы никто не услышал. Будет закусывать губу и закатывать глаза, выгибаться на кровати и ерзать по мокрой простыне этой маленькой, аппетитной попкой.

– Ну, мне пора, – внезапно говорю я, вставая.

Незаметно поправляю стояк и улыбаюсь Элисон, которая продолжает сидеть с ошалелым видом. Крючок заброшен вместе с самой вкусной наживкой, осталось дожидаться, пока эта рыбка заглотит его и сделает то, что ей прописал свихнувшийся доктор. И она сделает это, я вижу это по ее глазам. Сегодня ночью Элисон будет мастурбировать не с мыслями о книжных героях, а обо мне. Это охренительно сильно заводит, так что я, желая прикинуться джентльменом, быстро прощаюсь и сваливаю к домику. Всю дорогу улыбаюсь, потому что знаю, что достиг своей цели. Элисон будет моей через какие-то несколько дней.

Глава 5

Эли

Я стараюсь не думать о нем, когда купаюсь в душе. Стараюсь не думать, когда укладываюсь в кровать и открываю в читалке очередной роман. И даже когда читаю страстную постельную сцену, тоже пытаюсь выбросить его из головы. Целый день! Целый день я вспоминала о том, что он мне говорил на озере, его тон и хриплый шепот, от которого я едва сдерживала дрожь в теле. Нет! Не буду думать. Не хочу и не стану.

Переворачиваю страницу, содержание которой даже не запомнила, и пытаюсь сосредоточиться на тексте, пока мои щеки пылают от воспоминаний и смущения. Черт, у меня такое ощущение, словно Винсент наблюдает за мной. И вот он самый большой сюрприз, который подкидывает мое тело, – эта мысль заводит еще сильнее. Я сдаюсь, выключаю и откладываю электронную книгу. Прикрываю глаза, до последнего пытаюсь убеждать себя, что собираюсь спать. Но все это только иллюзия, потому что рука уже сама тянется в пижамные шорты, и остановить ее – выше моих сил. Я слабая и, наверное, порочная. Развратница. Меня так веселит эта мысль, что я беззвучно хихикаю, пока пальцы раздвигают влажные складочки. А потом мне становится не до смеха, потому что возбуждение усиливается, и по телу прокатывается жар. Я все еще хочу думать про безликого героя книги, которого рисует мое воображение, но все бесполезно. В мои мысли вихрем врывается Винсент.

Я представляю себе, что мы снова на озере, одетые только во влажное после купания белье. Он сдирает его с меня и ложится сверху. Мне не страшно, я знаю, что с ним больно не будет. По Винсенту видно, что у него достаточно опыта, чтобы все сделать правильно. Я представляю, как он целует все мое тело, уделяя особое внимание самым чувствительным зонам. Облизывает и посасывает разгоряченную кожу, которую не в состоянии охладить даже освежающая вода озера. Ничто сейчас не способно погасить пожар, бушующий внутри меня.

Пальцы ускоряются, и я закусываю губу, чтобы не завывать от переполняющих меня ощущений. Я не впервые трогаю себя, но сегодня все как-то слишком остро, на грани удовольствия и боли. И это приносит еще больше наслаждения. Вот так просто, несколькими словами, Винсент заставил меня сделать то, что велел. На что, я уверена, хотел бы посмотреть. Я приподнимаю бедра, кружа пальцами в сумасшедшем ритме, потому что чувствую – пик уже близко. Удовольствие настолько яркое, что я с трудом сдерживаю крик или даже стон, только шумно дышу и чувствую бешено колотящееся сердце. Жар нестерпимый. Настолько обжигающий, что мне приходится скинуть одеяло. Ни черта не помогает, хоть в комнате и прохладно. Я извиваюсь на кровати, так четко представляя взгляд Винсента, когда он пожирает самую чувствительную часть моего тела. Клянусь, я могу почувствовать, как он втягивает клитор в рот, впивается в него горячими губами, проводит упругим языком. Я покрываюсь потом, задираю тонкую майку и хватаю себя за грудь. Грубо, как, мне кажется, схватил бы он. Сжимаю сосок, и мои глаза закатываются. Все ощущения обострены до предела. Еще немного, чуть быстрее, и меня буквально разрывает на куски острое удовольствие. Из рта непроизвольно вырывается негромкий, приглушенный стон, который в тишине комнаты звучит как крик.

Я еще несколько минут вздрагиваю от полученного удовольствия. Прижимаю ладонь к клитору, наслаждаясь спазмами. Чувствую себя грязной развратницей, и в голове тут же всплывают слова Винсента: «Никто ведь не узнает, даже я. Просто доставь себе удовольствие». Я улыбаюсь. Черт возьми, я так широко улыбаюсь, что, кажется, блеск зубов способен стать подсветкой в темной комнате вместо ночника. Я получила удовольствие. Впервые настолько оглушающее, что весь мой предыдущий опыт меркнет на фоне сегодняшнего вечера. Вынимаю руку из шортиков, посещаю туалет на цыпочках, чтобы никого не разбудить, и укладываюсь в кровать. Эту ночь я сплю как младенец.

Я просыпаюсь бодрой и полной сил. Пока собираюсь в душ, мычу песенку себе под нос. В этот момент мне все кажется особенно ярким, а доносящиеся с улицы в приоткрытое окно звуки – особенно мелодичными. Жизнь как будто заиграла новыми красками. Пока все спят, я спешу в душ, потому что ни за что не стану натягивать леггинсы, не помывшись после своего вчерашнего маленького приключения. Быстро моюсь, периодически хихикая, потому что теперь у меня появился грязный секрет и меня это забавляет. Вернувшись в комнату, одеваюсь и быстро перекидываюсь сообщениями с мамой, чтобы дать понять, что у меня все замечательно, и убедиться в том, что ее ночь прошла удачно. А потом, подхватив коврик, я пружинящей походкой направляюсь во двор, где меня уже ожидает Одри, готовая заняться йогой. Мы занимаемся в тишине, я помогаю ей сделать некоторые асаны, которые она пока не в состоянии выполнить без посторонней помощи, и ее успехи поднимают мне настроение еще выше.

Как только сажусь на свой коврик, чтобы расслабить тело, позади себя слышу голос, от которого тут же густо краснею.

– Доброе утро, дамы, – привычной фразой здоровается Винсент, а у меня на затылке волосы шевелятся. Хочется зажмуриться крепко-крепко и так переждать, пока он не уйдет. Но это было бы невежливо, а еще он не оставляет мне шанса.

Винсент становится рядом, и я вижу его боковым зрением. Мы с Одри одариваем его стандартным приветствием, и я делаю вид, что еще нахожусь в прострации после йоги. Или меня нет. Или... не знаю, я просто пытаюсь слиться с окружающим пейзажем. Потому что он знает. Я уверена, что знает и, наверное, будет насмехаться надо мной. Мне становится стыдно за то, что мой грязный секрет принадлежит не только мне, но и мужчине, о котором я думала, лаская себя. И это он тоже, черт побери, знает.

– Как прошла твоя ночь, Элисон? – спрашивает он, и я ощущаю, как румянец с бешеной скоростью расползается по шее и груди. До того неудобное свойство кожи, не передать словами. Меня можно читать, как открытую книгу, и это невероятно злит.

Собираю в кулак всю свою выдержку и произношу:

– Нормально, спасибо. – Выходит нечто среднее между писком и хрипотой. Я прочищаю горло и повторяю ответ: – Нормально, спасибо. – Вот так лучше. Я даже немного горжусь собой.

– Как ты, Одри? – спрашивает он, но я чувствую, что продолжает смотреть на меня.

– Спала хорошо. А ты?

– Мне не спалось. Уснул только к часу ночи.

Я резко поднимаю голову и смотрю в улыбающиеся глаза. Не может быть. Мозг быстро прокручивает информацию, просчитывает траекторию полета звука, и действительность обрушивается на меня тайфуном, который выбивает почву из-под ног. Он слышал этот единственный стон. Однозначно слышал, я вижу это в его взгляде. Не мог не слышать. Моя кровать прижата к стене, за которой спит он. Теперь я представляю себе, как будто он стоит у меня в изголовье, наблюдая за тем, как я себя ласкаю. Внутренности скручивает то ли от ужаса, то ли от возбуждения. Вытягиваю ноги перед собой якобы с намерением потянуться к стопам, а на самом деле сжимаю бедра, пытаюсь облегчить напряжение между ними. Уверена, от острого взгляда внимательного доктора не укрывается мой маневр.

После непродолжительной беседы о самочувствии Одри и планах на день Винсент наконец оставляет нас.

– Не уверена, что ты потянешь этого мужчину, Элисон, – звучит голос Одри над моей головой после пары минут тишины.

Смотрю на нее. Она абсолютно спокойна, но в чертах есть некая резкость. Неужели она злится на меня? Я ведь не сделала ничего плохого.

– Не понимаю, о чем ты говоришь, – спокойно отвечаю.

– Понимаешь, Эли... Эй, я тебе не враг, – говорит она, видимо, осознав резкость своего тона. – Я не собираюсь никого удерживать от отношений или даже секса. Не имею на это права.

Но Винс мой друг, а ты стала подругой за это время. Я не хочу, чтобы кому-нибудь из вас было больно.

– А будет больно?

Одри хитро улыбается.

– Смотря о какой боли мы говорим.

– Я должна что-то знать о нем?

– Полагаю, что да, но не я должна тебе об этом рассказывать.

– О чем ты говоришь? Что за загадки?

– Просто спроси его, чем он зарабатывает на жизнь. Винсент крайне открытый человек и не станет изворачиваться и лгать. Он скажет все, как есть, и ты уже сама будешь решать, готова ли жить с этим.

Глава 5.1

Пару дней я прокручиваю слова Одри. Они все никак не идут у меня из головы. Только я почему-то не решаюсь задать Винсенту правильный вопрос. Меня словно что-то удерживает от этого. Не страх, нет. Какое-то шестое чувство подсказывает мне, что, как только я все узнаю, моя жизнь никогда не станет прежней.

После обеда, уложив Одри спать и убедившись, что она уснула, я сижу в беседке и читаю. Ни один из медицинских терминов не задерживается в моей голове, поэтому приходится перечитывать одну страницу по три раза. Может, что-нибудь тогда отложится хотя бы в подсознании. Еще до того, как ко мне подходит Винсент, я чувствую его приближение. Не слышу шагов – он ступает слишком тихо, – но чувствую. По тому, как волосы на затылке приподнимаются и шевелятся. По тому, как по шее пробегают мурашки, покалывая кожу. А потом перед моими глазами возникает мужская рука с маленьким букетом полевых цветов.

– Откуда? – восхищенно спрашиваю я. – Мы же в лесу.

– В лесу тоже растут цветы, детка, – раздается негромкий голос у моего уха. Его губы слегка задевают раковину уха, и я вздрагиваю.

Обхватываю стебли, задевая его татуированные пальцы, и намеренно медленно забираю букет, продлевая наш контакт. Я как будто играю с огнем, но не могу остановиться. Есть в Винсенте что-то такое притягательное, из-за чего я не в силах противиться нашему притяжению. Кожу постоянно покалывает, а желудок как будто ухает вниз на сумасшедшей скорости. Как будто я катаюсь на одной из тех опасных каруселей, на которые никогда не решусь подняться.

Сжимаю крохотный букет в ладонях и улыбаюсь. Винсент обходит беседку и садится неподалеку от меня. Мы смотрим друг на друга молча. Как будто за нас все способны сказать взгляды, блуждающие по лицам друг друга. Я чувствую румянец, но лицо не горит. Как будто мягкое тепло распространяется по коже. Ощущение, словно я вернулась в подростковый возраст и получила свой первый в жизни букет.

– Прости, Эли, розы здесь не водятся. Но, когда мы вернемся в город, я обязательно подарю тебе достойный букет.

– Вы так уверены в том, что после возвращения мы все еще будем общаться.

– Детка, после того, что мы пережили той ночью, пора перейти на «ты», согласна?

И вот так просто – бам! – мои щеки снова вспыхивают. За эти полторы недели я краснею больше, чем за всю свою жизнь. Это раздражает. Хочется надавать себе пощечин, чтобы остановить чертов процесс.

– Я обожаю твой румянец, – мягко произносит Винсент, подвигаясь ближе.

А уже в следующую секунду его большая ладонь ложится на мою щеку и, едва касаясь кожи, поглаживает ее большим пальцем. Глаза непроизвольно прикрываются. Я отзываюсь на ласку. Трепет зарождается где-то в животе, запуская сердце и заставляя его биться чаще.

– Мы обязательно будем общаться, Эли. И не просто общаться. – Я распахиваю глаза и смотрю на него. – Тебе понравится. Как понравилось той ночью. Ты же получила удовольствие, моя девочка? – Я не отвечаю. Согласиться – значит признать его правоту. Отказ же будет выглядеть нелепо. – Получила, – продолжает он, – я слышал. Я чувствовал твоё удовольствие. – С ужасом думаю о том, как это выглядит в его глазах, но взгляд Винса смягчается, как и черты лица. – Я получил не меньшее, тебе нечего смущаться.

Я слушаю его спокойный голос, блуждаю взглядом по его лицу и осознаю, как сильно вляпалась. Меня так сильно манит к этому мужчине, что я не могу остановиться. Пытаюсь тормозить себя, подключая весь здравый рассудок, который у меня есть, но все бесполезно. Каждый день он говорит что-нибудь такое, что возвращает меня на исходную позицию. И он говорит не только словами. Жестами, взглядами. Ему не обязательно открывать рот для того,

чтобы заставить меня думать о нем не как о докторе, который приехал сюда ради излечения своей пациентки. Я представляю себе, что мы вдвоем в этом домике и, если бы так и случилось, что бы он со мной сделал. В голове тут же всплывают слова Одри.

– Кем ты работаешь? – выпаливаю я.

– А вот и первый правильный вопрос, моя красавица, – все так же спокойно отвечает Винсент, откидываясь на подушки позади себя. – Я, моя милая Элисон, владелец БДСМ-клуба.

– Что?..

Удивить сильнее он бы не смог. Даже если бы сказал, что является космонавтом, работающим на NASA, или что он пришелец. Я прикидываю в голове все, что знаю о нем, и все ситуации, в которых его видела, но не могу сложить все воедино. Нет, он, конечно, со своими татуировками вполне подходит для своего занятия. Но для меня это... непостижимо, что ли. Пока непостижимо. Вероятно, со временем я могла бы привыкнуть к этой мысли.

– Ты не знаешь, что такое БДСМ, Элисон? – врывается он в мои мысли.

– Знаю. Все смотрели...

Винсент закатывает глаза и улыбается.

– Ну конечно. Что еще ты могла бы вспомнить. Но кино и реальная жизнь, как ты знаешь, это словно небо и земля. В кино все смягчено и романтизировано. В жизни же намного более...

– Жестоко? – подсказываю я.

– Ярко, – поправляет, прищурившись. – Когда-нибудь ты сама испытаешь это на себе.

– Ты так в этом уверен, – хмыкаю я.

Винсент подхватывает прядь моих волос и медленно накручивает ее на палец. В его взгляде появляется что-то дикое и необузданное, отчего переворачиваются внутренности. Он подается немного вперед и шепчет мне на ухо:

– Между болью и удовольствием тонкая грань, Эли. И эта грань и есть само удовольствие.

Он немного болезненно дергает за прядь, но я даже не успеваю скривиться, как моей шее касаются горячий язык и губы. Я уже практически не чувствую боли на коже головы, мои мысли и чувства сосредоточились на ощущениях на шее. Кажется, никогда еще эта часть тела не была настолько чувствительна к ласке, как в этот момент. Поцелуи Винсента будоражат сознание, глаза закатываются от удовольствия, и я замираю, боясь пошевелиться, чтобы не спугнуть его. Чтобы это не заканчивалось. Но Винсент и не собирается отстраняться. Его ласки становятся настойчивее, он перемещается на затылок, целуя и облизывая кожу у самого роста волос, а сам тем временем сильнее тянет за прядь. Мне хочется вырвать ее из его цепких пальцев, но я сдерживаюсь, как будто осознаю, что без этого контакта удовольствие будет неполным.

Наконец, он отрывается от моей кожи, и его губы снова находятся в паре миллиметров от моего уха. Горячее дыхание обжигает мою нежную кожу, пока он говорит:

– Вот что такое БДСМ, моя девочка. Это не о цепях и наручниках. Не о плетке и флоггере. Это об удовольствии, замешанном на боли. Адский коктейль, испив который ты уже никогда не станешь прежней.

Этой ночью я мастурбирую, одной рукой схватив себя за волосы, и так сильно тяну, что кожа головы горит. Кончив, я откидываюсь на подушки, и меня поражает пугающая и в то же время будоражающая потребность по-настоящему испытать то, о чем говорил Винсент в беседе.

Глава 6

Винс

– Она отзывчивая, – произношу я, глядя перед собой.

Идущая рядом со мной Одри цокает языком и качает головой.

– Ты ее испортишь, Винс. Она невинная девочка.

– В каком смысле невинная? – спрашиваю, глядя на подругу. – В смысле не в Теме?

– В смысле девственница, док.

Мои глаза расширяются, а мысли, смешавшись с безудержным желанием, начинают метаться. Перед глазами встает яркий образ того, что я могу – и буду – делать с невинной девушкой в своей комнате в клубе. Черт подери, да у меня уже крышу срывает от одной мысли об этом!

– Винс, мне не нравится, как загорелись твои глаза, – прерывает Одри сумасшедший поток в моей голове.

– Я ее не обижу.

– Ты ее испортишь, – повторяет она и слегка хмурится.

– Одри, я не смогу отпустить ее.

Теперь она улыбается.

– Ты же говорил, что сердце – это такая же мышца, как и все остальные. – А потом она понижает голос и пародирует меня: – И, как и любую мышцу, его можно тренировать. – А потом Одри негромко смеется. Практически впервые с того ужасного события. Ее смех еще не настолько открытый и громкий, и пока он не отражается в глазах, но это несомненно прогресс.

– А кто говорит о сердце, детка? Все мое стремление вот здесь. – Я не удерживаюсь и сжимаю свой пах ладонью, отчего Одри снова заходится смехом, потом качает головой и толкает меня в плечо.

– Ты придурак. Извращенец.

– Как и все мы, моя куколка.

Наша прогулка сегодня длится намного дольше обычного. Мы решили провести терапию, шагая по тропинкам, а не сидя в беседке. Кажется, это пошло Одри на пользу. Завершающим этапом стало то, что я сказал ей прокричать в лес все слова проклятия, которые выжигают ее душу, и она это сделала. Сила ее ненависти была настолько сильной, что она даже не могла произносить связных предложений, но кричала так неистово, как будто эти слова царапали ей горло на протяжении долгого времени. Думаю, так и было. Выкричавшись, Одри медленно побрела в сторону дома. Охрипшая, обессиленная, но как будто очистившаяся.

Вечером Одри предложила сыграть в карты. Мы расположились в кухне за столом и здорово повеселились втроем, пока разыгрывали партию за партией. А потом Одри ушла спать, а мы с Элисон остались наедине. Весь вечер я постоянно смотрю на нее. Теперь, после слов Одри, я действительно улавливаю в ней некоторую скованность, которая в ее возрасте может говорить только об одном: Эли девственница. Черт, теперь мне еще сильнее не терпится распечатать этот подарок. Я, наверное, конченный ублюдок, раз собираюсь воспользоваться неопытностью девушки, но хер я в этом признаюсь даже самому себе.

– На раздевание? – внезапно выдаю, наслаждаясь тем, как дернулась Эли. Она смотрит на меня, приподняв брови, как будто до нее не доходит смысл моего предложения. – Давай, малышка, я буду нежным. Я даже надел сегодня свои самые красивые трусы.

Подмигиваю ей, а она хихикает и снова... Блядь! Снова краснеет. Я вижу в ее взгляде неподдельный интерес, но, противореча сама себе, она качает головой. Поэтому подаюсь вперед и говорю заговорщическим голосом:

– Давай. Даже хорошие девочки делают это.

Элисон колеблется пару минут, закусывает губу и блуждает взглядом по картам, а потом задирает подбородок и решительно кивает. Попалась, умница! Я удовлетворенно откидываюсь на спинку стула и хватаю колоду со стола.

– Что-то здесь прохладно, – говорит Элисон, потирая плечи. – Пойду накину кардиган.

Я широко улыбаюсь. Моя хитрая маленькая врушка. Сам сижу в спортивных штанах и футболке, с босыми ногами, потому что благодаря камину в домике даже жарковато. Но я решаю поддержать ее игру, потому что она немало удивится, когда я стащу штаны и там не окажется моих самых красивых трусов. Да и любых других. А сегодня я точно собираюсь показать ей, что ее ждет.

Первую партию я выигрываю, потому что хочу, чтобы серый кардиган, который прячет от меня желанное тело, слетел к чертям с нежных молочных плеч. Вторую слегка поддаюсь ей, в расплату стягивая футболку. Делаю вид, что сильно огорчен, но я вознагражден жадным взглядом, который блуждает по моему телу, очерчивая каждую мышцу и татуировку. Мне даже становится немного жарко от этого взгляда. Следующую партию проигрывает Эли и с некоторым колебанием и поглядыванием в сторону коридора стягивает футболку. Я резко втягиваю воздух. Несмотря на то, что уже видел ее голой, и то, что ее грудь упакована в простой хлопковый лифчик черного цвета, я дурею при взгляде на нее. А вообще, зачастую наличие одежды будоражит гораздо сильнее, чем ее полное отсутствие. Потому что тебе хочется хотя бы одним глазком заглянуть туда, чтобы увидеть, что кроется под тонкой тканью. Я смотрю на ее грудь и буквально вижу, как напрягаются соски. И это усиливает мое неумное желание. Элисон слегка ерзает от смущения, а потом смотрит на меня.

– Продолжим?

– А кто-то азартен.

– Кто-то хочет реванш, – отвечает она с вызовом.

– Ну держись, маленькая моя. Будет тебе реванш.

Следующими на пол летят ее штаны и носки один за другим. Я веду себя как джентльмен, а потому позволяю ей скинуть по одному носку за проигранную партию. А дальше наступает самое интересное. Маленькая азартная мисс ерзает на стуле, сидя только в нижнем белье и глядя на меня то ли с ужасом, то ли с предвкушением. Она периодически бросает взгляд на коридор, как будто боится, что оттуда вдруг выйдет Одри и пристыдит нас. Ох, Эли, знала бы ты, что умеет вытворять Одри и в каком виде я ее порой наблюдал, то не боялась бы так. В старые времена Одри, возможно, даже присоединилась бы к нам.

– Может, переместимся в спальню, если тебе неловко, Эли? – спрашиваю, и от возбуждения, которое я уже даже не скрываю, у меня слегка охрип голос. Уже час воздух над столом так искрится и разгорячен, что дальнейшее сокрытие моего желания становится просто бессмысленным. Если не сказать смехотворным.

– Пожалуй, наверное, стоит, – отвечает она. – Чтобы не разбудить Одри.

Да-да, моя девочка, именно с этой целью. Но ты же помнишь: я поддерживаю твою игру. Элисон подхватывает свои вещи с пола, в который раз демонстрируя мне свою затянутую в хлопковую ткань округлую попку, и я практически стону, потому что член болезненно дергается в штанах. Я не могу и не пытаюсь скрыть эту реакцию. Мазнув по моему паху взглядом, Эли быстро отворачивается и прикусывает губу. Черт, именно между этих губ я и хочу оказаться. Желательно прямо сейчас.

Пройдя по коридору, Элисон застывает. Нет, милая, не делай этого. Не порть все веселье. Я же знаю, что ты возбуждена. Видел твой взгляд и легкую дрожь рук, когда ты держала в них карты.

– В твою или в мою? – спрашивает она, и на меня накатывает облегчение.

– Давай в мою, она дальше от комнаты Одри.

Сильнее втянув губу в рот, Эли решительно кивает и топает мимо меня к моей спальне. Ну вот что такого есть в том, как она грызет эти чертовы губы? Банально. Самый распространенный женский прием, чтобы привлечь внимание мужчины к своему рту. Неосознанный сигнал, который они посылают нам, как бы говоря: «Смотри, что я умею делать этими губами». И пусть она даже ни хрена не умеет, я всему научу ее сам и получу от этого процесса непередаваемое удовольствие.

Мы входим в мою спальню, где горит только приглушенная потолочная подсветка, погружая комнату в полумрак. Основное видно, но при этом очень интимная атмосфера. Все, как нам нужно. Я показываю Эли на кровать, предлагая располагаться. Она мнетя несколько секунд, а потом решительно топает к ней и устраивается поудобнее. Кажется, кто-то сегодня настроен по-боевому.

– Сдавай, Винсент, – говорит она, едва скрывая легкую дрожь в голосе.

– С удовольствием, – отвечаю, опускаясь на матрас напротив нее.

Ты еще не знаешь, Эли, но эту партию ты выиграешь.

Глава 6.1

Глаза Элисон округляются, когда я медленно кладу на покрывало свои карты и до нее доходит, что победа за ней. Она не ожидала. Вероятно, мысленно готовилась снимать трусишки. Но нет, я оставляю на потом самое вкусное. А теперь же, под ее смущенным взглядом, я встаю с кровати и выпрямляюсь. Каждое мое движение неспешное, я даю ей время проникнуться атмосферой ситуации. Она должна хотеть меня. Более того, когда мои нетерпеливые пальцы окажутся у нее в трусиках, я хочу почувствовать там потоп.

Стягиваю штаны, и, как только член вырывается наружу, она резко зажмуривается, закрывает ладонями лицо и... начинает хихикать. В прямом смысле. Вот так, как девчонка-школьница на уроке анатомии, когда впервые видит мужской член на странице учебника. Не такой реакции я ожидал, это точно. Но извращенец, который сидит внутри меня, возбуждается даже от ее хихиканья. Член ни на миллиметр не опустился вниз. Наоборот, он дернулся, как бы призывая ее прикоснуться к нему.

Эли отворачивается и смотрит на стену. На ее лице все еще блуждает широкая улыбка.

– Ты говорил, что надел свои праздничные трусы, – укоряет она беззлобно.

– Упс, видимо, забыл.

– Ты обманщик, Винс.

– Согласен. И в гостиной совсем не холодно, правда, Эли?

Она сжимает губы в попытке скрыть улыбку и коротко качает головой.

– Чувствую себя дурой. Ты ведь читаешь меня словно раскрытую книгу.

– Посмотри на меня, – прошу.

Элисон зажмуривается еще раз, а потом, словно набравшись смелости, медленно поворачивает голову и резко распахивает глаза. Меня от этого мгновенного внимания бросает в жар. На ее лице больше нет улыбки. Она медленно растаяла, из взгляда ушла веселость. Элисон тяжело сглатывает, осматривая мое тело, не обделяя вниманием ни одну его часть.

– Я думала, что твое тело полностью покрыто татуировками, – глухо произносит она. Голос тихий.

– Не все, детка, но большая его часть.

Мы не улыбаемся, не флиртуем. Мы как будто оба полностью обнажены. И я сейчас говорю не столько об обнажении тела, сколько о душах. Нам не до смеха. В наших телах заключена жажда, которая с каждым скользящим по ним взглядом разгорается все сильнее. Становится настолько нестерпимой, что я уже предвкушаю, как этот мощный поток через несколько мгновений сшибет меня с ног.

Но я жду. Жду, что Эли хотя бы как-то покажет мне, чего на самом деле хочет. Если сейчас поведу я, она может пожалеть завтра обо всем, что произойдет в этой спальне. Но если она сделает первый шаг или даже хотя бы словом, жестом даст мне зеленый свет, все будет восприниматься ею иначе. Только Элисон удивляет меня сильнее, чем я мог себе представить, когда произносит:

– Можно прикоснуться?

Мне хочется взвыть от облегчения. Она даже не сказала, к чему хочет прикоснуться, да мне это и не надо. Только бы сделала это уже наконец.

– Я весь твой, – развожу руки в стороны, показывая, что я здесь для нее, открыт и готов. Хотя о том, что готов, свидетельствуют совсем не руки.

Эли спускает ноги с кровати и показывает мне, чтобы я подошел ближе. Я этого не ожидал, как и того, что первая часть тела, которой она коснется, будет мой каменный член. Пришла моя очередь закусывать губы, когда робкие пальчики проводят дрожавшую дорожку по моему

стволу, а потом обхватывают его и легонько сжимают. Я стискиваю зубы, по телу проходит дрожь, сотрясая меня, как будто я в лихорадке.

– Так приятно? – спрашивает она, глядя на меня глазами, полными доверия и желания угодить. Что же ты творишь со мной, детка? Ни одна БДСМ-сессия не сравнится с этими ощущениями. Ни одна саба никогда не возьмет мой член в руку так, как это делает неопытная девственница.

– Блядь, чертовски приятно, детка, – негромко отвечаю.

– Покажи мне, как надо, – просит она. – Я никогда... я не...

– Ш-ш-ш, я научу тебя всему.

Накрываю ее руку своей и сжимаю. Это новый уровень удовольствия, когда горячая ладонь скользит по стволу, оттягивая кожу, а потом возвращая на место. Сжимаю сильнее, показывая, как именно мне нравится, и Эли не разочаровывает. Она жадно рассматривает член, который находится прямо у ее лица, пока скользит по нему ладошкой. Ей стоит только немного податься вперед и...

– Черт! – негромко вскрикиваю я, когда нежные розовые губы касаются головки в поцелуе. В поцелуе. Блядь! Она еще ничего не сделала, а я уже готов взорваться.

Элисон резко отстраняется, напуганная моей реакцией.

– Тебе неприятно? Я сделала тебе больно?

В ответ нежно поглаживаю ее подбородок и щеку.

– Мне чертовски приятно. Прости, если напугал.

– Правда? Или ты пытаешься меня утешить?

– Эли, просто продолжай делать то, что делала, – практически рычу я. Еще никогда я не был так нетерпелив в желании получить женскую ласку.

Элисон нерешительно возвращается к своему занятию и пару раз поглядывает на меня, как будто ища одобрения. Киваю и слегка улыбаюсь, давая ей понять, что мне не просто приятно, я, нахрен, сейчас лопну от ощущений. Эли смелеет, приоткрывает рот и вбирает в него головку, посасывает ее и с хлопком выпускает. У меня закатываются глаза, когда она повторяет это раз за разом, а потом щелкает языком по уздечке. Чертова невинная богиня минета. Она никогда не делала этого, но как будто родилась ради того, чтобы сосать член. Мой. Снова накрываю ее кисть, сжимаю крепче и начинаю водить нашими руками быстрее. Я уже практически сдался. Совсем скоро я кончу и даже не знаю пока, куда. Готова ли она проглотить – вопрос, который нужно решить.

– Прикоснись к своей груди, – хрипло прошу я, и она подчиняется. – Сожми сосок. Потяни за него. А теперь всю грудь сдави так сильно, чтобы почувствовать только легкую боль. Черт, детка... Эли, я... я скоро, малышка.

Она сильнее подается вперед, глубже заглатывая член, и я взрываюсь, выстреливая прямо в горячую влажность ее рта. Клянусь, ни хрена подобного я никогда не испытывал. Десятки, а может, и сотни минетов в моей жизни, в том числе от самых опытных саб. Но ни один из них не сравнится с этим. Когда перед глазами плывут цветные круги, а ноги подкашиваются от слабости. Я смотрю на этот порочный рот, который довел меня до сумасшествия, и глаза, которые жадно ловят мою реакцию, и понимаю, что вот сейчас доктор Винсент Колтрейн готов мысленно встать на колени перед женщиной. Впервые. И я сделаю это. Вот только немного отдышусь и встану перед ней на колени. Чтобы вылизать сладкую киску, которая, уверен, уже течет для меня.

Эли выпускает член изо рта и облизывается. Розовый язычок так быстро скользит по губам, что я понимаю: она делает это неосознанно. Но успеваю уловить движение.

– Ты в порядке? – спрашиваю я.

– Да... Наверное, да.

– Наверное? – спрашиваю с усмешкой.

Опускаюсь на колени и становлюсь между ее ног. Обхватываю за бедра и дергаю на себя так, чтобы она практически балансировала на самом краю матраса.

– Тебе понравилось? – спрашивает она, заглядывая мне в глаза.

– Ты взорвала мой мир, – шепчу у ее губ. – Такой ответ тебя устроит? – Она кивает, доверчиво глядя в мои глаза. – Но мы не с того начали, Эли.

Я подаюсь вперед и целую ее. Как только наши губы соприкасаются, по моему телу пробегает разряд тока, который передается и Элисон. Она вздрагивает и вцепляется в мои предплечья. Я целую без напора, не настойчиво и грубо. Сначала нежно пробую ее губы на вкус, к которому примешан мой собственный. В другой ситуации, после минета я бы вряд ли стал целовать девушку, но с Эли не хочу терять ни минуты удовольствия. Потом она приоткрывает рот, и я пользуюсь этим, проскальзывая в него языком. Мы никуда не торопимся, хотя меня аж потряхивает от желания ускориться и усилить напор. Я так хочу показать ей, какое влияние она на меня оказывает, что сводит скулы. Но сдерживаюсь, потому что наслаждаюсь каждым нашим нежным контактом, который заставляет мою кровь вскипеть и нестись по венам на бешеной скорости.

– Прикоснись ко мне, – просит она, когда наш поцелуй прерывается, и я, в последний раз коснувшись ее губ своими, медленно веду ладонью по ее плечу, спускаюсь на спину и одной рукой расстегиваю бюстгальтер. Вот и начался процесс распечатывания подарка. Прелюдия – это лучшая часть секса, и я собираюсь убедить в этом Эли.

Глава 7

Эли

Я как будто нахожусь под действием наркотиков, словно сама не своя. Минут сорок назад и вовсе перестала задавать себе вопрос о том, что творю и почему позволяю себе такое поведение. Меня ведут инстинкты, которые, к слову, еще никогда не подводили. Надеюсь, в этот раз будет так же. Я еще никогда не была настолько смелой, чтоб предложить себя мужчине и уж тем более взять то, что предложил он. Хотя, по большому счету, Винсент и не предлагал. Он просто позволил желанию вести меня. Или это такой хитрый ход знатока человеческих душ и женских желаний? Он, скорее всего, просто сделал вид, что оставляет все на мое усмотрение, в то время как сам уже принял твердое решение. Беспокоит ли это меня? Нет, нисколько.

И наконец я осмелела настолько, что попросила его прикоснуться ко мне. Не попросила даже. Наверное, в большей степени это можно было бы назвать словом «умоляла», потому что прозвучало жалко и с каким-то отчаянием в голосе. В первую секунду мне почему-то показалось, что он посмеется надо мной, потому что его глаза сверкали как будто насмешкой. Но уже в следующий миг его руки потянулись к моему телу, и я вздохнула от облегчения. Лифчик за секунду был отброшен в сторону, и жадный взгляд Винсента уже блуждает по моей обнаженной груди. А потом он проводит руками по моим плечам, спускается вниз и сжимает грудь так, как будто без этого контакта кто-то из нас умрет. Мои глаза закрываются, и изо рта вырывается стон. Все тело дрожит.

– Ты должна вести себя тихо, крикунья, – шепчет Винсент у моих губ.

– Я не крикунья, – возражаю ему.

– Еще какая крикунья. Позже мы это проверим. Но сейчас ты должна быть тихой, Эли. Ты сможешь сделать это для меня? Сможешь сдержаться?

– Да, – на выдохе, потому что одна горячая ладонь уже пробирается мне под трусики.

Как только пальцы касаются моей промежности, спина непроизвольно выгибается.

– Уже мокрая. Такая мокрая, – со стоном произносит Винсент.

Он начинает поглаживать клитор, и я шире развожу ноги, чтобы дать ему легкий доступ. Мне едва ли удастся сдерживать стоны, из горла вырываются хриплые негромкие охи, я повторяю его имя и дрожу. Постоянно дрожу и не могу эту дрожь побороть. Винсент неожиданно останавливается, а мне хочется закричать на него. Распахнув глаза, сталкиваюсь с жадным взглядом, полным желания и одержимости. Винсент стягивает с меня трусики и слегка надавливает на плечо, укладывая на кровать. Я не сопротивляюсь. В этот момент я готова сделать все, о чем бы он ни попросил, только бы закончил то, что начал.

– Я тоже хочу попробовать тебя на вкус, – говорит он, широко разводя мои ноги. – Я с ума схожу, как сильно хочу попробовать тебя, Эли. С того самого дня, когда впервые увидел на озере. Нет. С того дня, как впервые увидел в больнице.

Не успеваю среагировать на его слова и ответить хоть что-то, потому что горячие губы уже касаются внутренней стороны бедра. За ними следует язык, дальше зубы, которые прикусывают чувствительную кожу, пылающую от его прикосновений. А потом он бережно зализывает укусы – и так по кругу. Я извиваюсь и тяжело дышу. Сердце как будто работает на пределе своих возможностей, но резко пропускает удар, когда пальцы раздвигают складочки и упругий язык бьет по напряженному клитору.

Винсент повторяет это несколько раз, и мне приходится прикусить собственную руку, чтобы сдержать крик. Я говорила, что мне было приятно касание его пальцев? Забудьте. Язык – это совсем другой уровень. Он буквально вырывает из меня стоны, которые я глушу ладонью и силой воли, роняя лишь всхлипы, которые остановить не в силах. Ни одна фантазия не сравнится с тем, что со мной вытворяет Винсент в эту секунду. Он лижет, щелкает языком, потом

проникает между влажными складками, совершая обратно-поступательные движения. Я теряюсь в ощущениях, кожа горит и сердце вырывается из груди. А потом он отрывается от меня, но я даже не успеваю возразить, как на мою промежность опускается ладонь и серией коротких, но точных шлепков доводит меня до иступления. Я выгибаюсь и кричу в свою ладонь, крики перемежаются всхлипами и даже какими-то ругательствами. Меня переполняют ощущения такой силы, что на какое-то мгновение я, кажется, отключаюсь, чувствуя только горячий язык, который слизывает мое возбуждение.

Совершенно новый опыт, который подсказывает, что теперь я потеряна для всего, что было раньше. Все, что я до этого момента знала о сексе, можно забыть. Потому что эти знания делают из меня совершенно нового человека. С некоторой долей ужаса, я осознаю: вся романтика, о которой я когда-то мечтала, кажется отныне пресной и безвкусной. Потому что я внезапно, за один раз, даже не лишившись девственности, стала любительницей грязного секса. Позже я обязательно выясню, насколько далеко готова зайти в своих экспериментах. Но прямо в эту секунду, глядя на то, как Винсент вытирает простыней бороду от моих соков, я осознаю, что все это мне нравится. Как будто минуту назад он открыл мне глаза на то, как всё может быть. И насколько это приятно.

Винсент забирается на кровать рядом со мной и притягивает в свои объятия. Мы несколько минут молчим, восстанавливая дыхание.

– Ты очень вкусная, Эли, – наконец говорит он. – Я не ошибся в своих предположениях.

– Ты представлял себе, какая я на вкус?

– Десятки раз, девочка.

От его слов и нежности, с которой он меня к себе прижимает, по лицу расплывается блаженная улыбка. Борода Винсента щекочет мне висок, а в ухе гулом отдается стучащее в его груди сердце.

– Что теперь будет между нами? – задаю самый волнующий вопрос.

Винсент молчит, только пожимает плечом, отчего я напрягаюсь. Не такого ответа я ожидала. Оно и понятно. Какого еще ответа ждет девушка, у которой только что был самый яркий сексуальный опыт за двадцать три года?

– Я пока не знаю, Эли, – отвечает Винсент. – Рано судить.

– Рано судить? – спрашиваю и приподнимаюсь, чтобы заглянуть ему в глаза. – Только что у нас был...

– Петтинг, малышка, – заканчивает он за меня. – Прелюдия к сексу.

– Тогда я должна радоваться, что до секса дело не дошло, – бурчу, поднимаясь, и начинаю натягивать на себя нижнее белье. Винсент садится на кровати и хватает меня за запястье, останавливая.

– Элисон, прежде, чем что-то решать, мы должны сначала понять, надо ли нам это.

– То есть ты просто позабавился со мной?

– То есть мы просто позабавились. Пока что. Дай нам время.

– О, господи, что за бред ты несешь? – спрашиваю, закатывая глаза и вырывая руку из хватки. – Ты сам...

Я не успеваю договорить, как дом оглашает душераздирающий крик, от которого волосы встают дыбом. Я срываюсь с места и бегу в комнату Одри. Слышу, как за мной несется Винсент. Мне становится глубоко наплевать на то, что только что между нами происходило. Самое главное сейчас – добраться до Одри и в сотый раз напомнить ей, что это всего лишь кошмар. Я забегаю в комнату и бросаюсь к ней. Одри мечется на постели и кричит не своим голосом, царапая свое лицо и выгибаясь. Мне так страшно смотреть на это, но еще страшнее подходить. Но другого выхода нет, потому что я знаю, что, если ее коснется Винсент, все станет еще хуже.

Оказавшись у кровати, я отнимаю руки Одри от ее лица, и она тут же набрасывается на меня, вцепляется в мои волосы и дает пощечину. Внезапно ее глаза распахиваются, и она

впивается мне зубами в плечо. Я буквально вою от боли, но при этом повторяю как можно спокойнее:

– Одри, милая, это я, Эли. Перестань, пожалуйста, Одри, мне больно. – Краем глаза замечаю, что Винс бросается к нам, но останавливаю его: – Нет! Ты сделаешь хуже! Стой, Винс! – Снова поворачиваюсь к Одри и мягко продолжаю: – Одри, пожалуйста, успокойся.

Внезапно она отстраняется, ее взгляд проясняется, и она в ужасе шарахается от меня. Бегло осматривает мое лицо и прокушенное до крови плечо, которое нестерпимо горит.

– О, мой Бог, – дрожащим голосом восклицает Одри и резко отползает к дальней стороне кровати. – Прости меня. – Она начинает рыдать, сжавшись в комок. – Эли, прости меня, я... боже, что я за монстр? Винс, пожалуйста, сделай что-нибудь!

Винсент направляется к ней, но Одри выставляет руки вперед.

– Нет! Помоги Эли. Она... у нее кровь.

– У тебя тоже, детка, – мягко говорит он.

Одри растерянно смотрит на него, а потом понимает, что Винс показывает на ее лицо, и прижимает ладони к разодранным щекам. Она отнимает их и начинает плакать с новой силой, рассматривая испачканную кровью кожу.

– Эй, давай я тебе помогу.

– Нет! Я... Помоги Эли. А потом... – она смотрит на меня полным раскаяния взглядом, – если Эли будет не против, то она обработает мои царапины.

Я не могу слышать, как каждое ее слово перемежается всхлипом, а в голосе такая боль, как будто она сжирает ее изнутри.

Глава 7.1

Спустя час все раны промыты, успокоительные и обезболивающие выпиты. Выпроводив Винсента из спальни, я заварила нам с Одри чай, и теперь мы сидим на ее кровати, вытянув ноги, и потягиваем травяной напиток.

– Не хочешь рассказать, что тебе приснилось? – спрашиваю я.

Одри медленно качает головой, глядя на меня с грустью.

– Нет. Мне еще предстоит делиться этим завтра с добрым доктором. – Она упирается головой в изголовье кровати. – Знаешь, мне так не хочется обижать Винсента, отталкивая его. Но я просто не могу себя пересилить и расслабиться, когда хотя бы на расстоянии полуметра чувствую мужской запах. Иногда я с ужасом думаю о том, как буду возвращаться к нормальной жизни. Как подпущу к себе Келлана. У меня даже возникали мысли, что честнее всего будет отпустить его и не мучить.

– А ты у него спрашивала, чего хочет он?

– Пока что ему кажется, что он по-прежнему хочет меня. Вот только я уже никогда не буду той Одри, в которую он влюбился, понимаешь? Не буду волевой и жесткой, такой, от одного вида которой мужчины сами были готовы падать на колени и лизать мои каблук. – Я вопросительно приподнимаю бровь и смотрю на Одри во все глаза. Она замечает мою реакцию, криво улыбается и слегка машет рукой. – Старая история.

– Но, похоже, очень занимательная.

– Может, когда-нибудь расскажу. – Одри поворачивается ко мне и внимательно смотрит, прищурив глаза. – Почему ты была в нижнем белье?

– Эм-м... – я кошусь в сторону двери, быстро придумывая ответ. – Я собиралась лечь спать.

– Ну да, – медленно отвечает она. – И как? Успешно собралась?

Я чувствую, что краснею и, прикрыв глаза, повторяю жест Одри, упираясь затылком в мягкую обшивку изголовья кровати.

– Ты уже все поняла, – констатирую факт.

– Здесь и понимать нечего. Ты в нижнем белье, этот бесстыдник совсем голый, – со смешком говорит Одри, кивая в сторону двери. – Явно между вами что-то произошло. А учитывая то, как ты рыкнула на него, когда он попытался помочь тебе с укусом, тебе не понравилось то, что предложил добрый доктор.

Я тяжело вздыхаю и смотрю в белоснежный потолок, который пересекают несколько деревянных балок.

– То, что предложил, понравилось. Последствия – так себе.

– Расскажешь?

Я колеблюсь, потому что не привыкла делиться чувствами с чужими людьми. Меня еще останавливает то, что Одри подруга Винсента, а не моя. И хоть мы сблизилась с момента нашего знакомства, все же это не говорит о том, что она встанет на мою сторону или хотя бы поймет меня. Одри кажется свободной от предрассудков. Таким девушкам не нужны отношения, чтобы заняться сексом, они относятся к этому акту как... ну, не знаю. Как к чиху, что ли. Я же из совсем другого теста. Я нуждаюсь в романтике и признаниях, в чувствах и постоянных доказательствах. Вряд ли мы с ней смотрим на одни и те же вещи одинаково. Поэтому в ответ на ее вопрос я так же, как и она чуть раньше, покачиваю головой. Одри как будто не удивлена. Она отпивает чай и тоже смотрит в потолок.

– У Винсента была не самая простая жизнь.

– Как и у всех нас, – немного резковато говорю я. Меня раздражает, что она его скотское отношение к женщине пытается оправдать жизненными обстоятельствами. Хотя, нужно отдать ей должное: Одри ведь даже не знает, по какому поводу я злюсь на Винсента.

– Да, как и у всех нас. Но он такой, какой есть, Эли, и другим не станет. Ты его либо любишь таким, как он есть, либо проходишь мимо.

– О какой любви ты говоришь, Одри? – хмыкаю я. – Мы с ним всего пару недель знакомы.

– О, так до нее уже рукой подать, судя по тому, какими взглядами вы обмениваетесь.

Мы замолкаем. Я – потому что мне нечего возразить на это. А она, видимо, просто думает о своем. В этот момент раздается стук, дверь приоткрывается, и в проеме показывается главный предмет нашей беседы. Винсент не заглядывает скромно, не мнется, а сразу распахивает дверь и занимает собой весь дверной проем. Теперь на нем спортивные штаны и футболка, но мое сердце все равно пускается вскачь при виде этого гиганта.

– Как вы, девочки? – спрашивает он.

– Нормально, – устало отвечает Одри. Она говорит медленнее, и я понимаю, что совсем скоро она снова будет готова уснуть. – А ты как?

– Виски отлично помогает от стресса, – ухмыляется Винс, подходя ближе. – Но, тем не менее, я хотя бы получил некое эстетическое удовольствие, глядя на женскую драку.

Я напрягаюсь, потому что мне кажется, что эта фраза способна расстроить Одри и от ее бывшего положительного настроения не останется и следа. Но она начинает смеяться.

– Извращенец, – фыркает она, хихикая.

– Как ты, Эли? – спрашивает он, глядя на меня.

– Нормально, – отвечаю коротко.

Сейчас Винсент выглядит как обычный нормальный мужчина, заботливый друг и в принципе приятный человек. Как будто полная противоположность тому, кто был там, в спальне. А там был какой-то демон соблазна. Он, ничего толком не делая, заставлял меня вытворять то, на что, я думала, не способна.

Я неловко ерзаю на месте, потому что воспоминания о полученном и доставленном удовольствии заставляют всю кровь устремиться к моей промежности и слегка запульсировать. Это неловко хотя бы по причине того, что я сижу рядом с Одри. А еще больше неудобно, потому что взгляд Винсента прожигает меня насквозь. Кривоватая ухмылка дает понять, что он знает, о чем я думаю. Первый стресс прошел, и организм настроился на размножение. Так он сказал тогда у озера? Черт, я не хочу с ним размножаться. Я вообще сейчас на это не настроена. Только вот мое тело, кажется, думает иначе. Взгляд Винсента опускается с моего лица на грудь, где его дружно приветствуют мои соски, давая понять, что ему здесь рады. Улыбка мужчины приобретает коварные черты, и я прикрываюсь чашкой чая, делая вид, что наслаждаюсь напитком больше, чем мыслями о сексе.

– Элисон, можно тебя на минутку? – спрашивает Винсент, а я давлюсь чаем.

Одри бережно похлопывает меня по спине, пока я разворачиваюсь, чтобы встать.

– Я сейчас вернусь, – говорю Одри, и она кивает, слегка закусив губу. Она знает, о чем мы будем говорить, я в этом уверена. И да, она точно на стороне соблазнителя Винса.

Выхожу в коридор и двигаюсь в самый конец. Становлюсь у приоткрытой двери в комнату Винсента, скрещиваю руки на груди и, приняв воинственный вид, поворачиваюсь к нему. Высоко задираю подбородок, чтобы он понимал, что имеет дело не с покорной наивной девочкой, а с женщиной, у которой есть голова на плечах. Но чего я точно не ожидаю, так это того, что Винсент резко подастся вперед и, накинувшись на мои губы, затолкает в свою спальню, захлопнув за нами дверь. И вот я снова в этой ловушке.

Глава 8

Винс

У меня какое-то помутнение рассудка случается, когда она рядом. Стоит вдохнуть запах шоколада с корицей, как мозги окутывает мутная пелена и я перестаю рассуждать здраво. Становлюсь жадным, голодным и диким. Она такая отзывчивая. Несмотря на весь тот бред, который я наговорил ей чуть раньше, она все равно сплетает свой язык с моим, стонет мне в рот и тянет за волосы, пытаясь оказаться еще ближе. Просовываю ногу между ее коленями и развожу их в стороны. Элисон совсем не сопротивляется, она как будто продолжение меня самого. Стоит надавить с одной стороны – и она гнется в противоположную. Податливая, открытая.

Спускаюсь влажными поцелуями на ее шею, подхватываю Эли под попку, и она без слов обхватывает мою талию ногами. Толкаюсь каменным членом ей в промежность и в ухе раздаётся стон. Сладкий звук, от которого по телу пробегает дрожь.

– Так хочу тебя, – шепчу ей в кожу.

– Возьми меня.

Резко поднимаю голову и смотрю в ее блестящие глаза, встречаясь с обезумевшим взглядом.

– Не сегодня, Эли, немного позже, – шепчу у самых губ между серий коротких поцелуев. – Ты должна быть готова.

– Я готова, Винс.

– Ты злишься на меня.

– Потому что ты сказал какую-то херню.

– Согласен. Но ты все равно не готова.

– Я уже не злюсь, сделай это.

– Не сегодня.

– Я завтра уезжаю.

И вот так просто, всего тремя короткими словами я с грохотом спускаюсь на землю. Реальность бывает жестока, и это тот самый случай.

– Я забыл. Слишком быстро пролетели две недели. – Эли расстроено кивает. – Ты можешь остаться подольше?

Она качает головой.

– У меня отпуск заканчивается послезавтра. Мне нужно возвращаться. – А потом она снова тянет меня за волосы. – Поэтому у нас единственный шанс сделать это сегодня.

– Нет, детка. Мы сделаем это позже. Когда вернусь в Вегас, я приеду к тебе, и мы все сделаем правильно.

Она недовольна и даже слегка обижена, но старается этого не показывать. Наигранно выпячивает нижнюю губу, которую я втягиваю в свой рот и посасываю.

– Ты забудешь обо мне к тому времени.

– Я буду думать только о тебе.

– А правильно – это с плетками и наручниками? – спрашивает она, и я начинаю смеяться.

– А ты хочешь с ними?

– Хочу попробовать все, что ты готов показать мне, – отвечает она, и я снова твердый. Черт, эта девчонка что-то с чем-то.

– Рано пока с игрушками играть. Сначала научимся играть без них. Ты точно девственница? – спрашиваю, двигая бедрами, отчего она невольно шумно выдыхает.

– Когда проверяла в последний раз, так и было.

– Тогда нам до наручников и плеток предстоит долгая дорога.

– Но я хочу короткую дорогу, – капризничает она, но не перестает ерзать в попытке получить как можно больше контакта с моим членом.

– Давай я вернусь в город, а потом мы все решим, ладно?

Целую ее в кончик носа и опускаю на пол. Элисон недовольна тем, что все вот так закончилось, но у нее особо нет выбора.

– Иди убедись, что Одри спит, и приходи ко мне. Я спую тебе на ночь колыбельную и помогу сладко уснуть.

– Мы сегодня будем спать вместе? – с надеждой спрашивает она.

Несмотря на то, что я всегда сплю один, в этот раз мне хочется прижать Эли к себе и уснуть, вдыхая аромат ее тела и возбуждения. Поэтому я киваю, легонько шлепаю ее по попе и отправляю проверить Одри. Сам устраиваюсь на кровати и пялюсь в потолок. Я осознаю, насколько плохо увлечусь невинной девушкой. Еще хуже – влюбиться. Но с другой стороны, процесс зависимости от Эли уже запущен, и ничего сделать нельзя. Гораздо позже я пойму, что у меня изначально не было шансов. А прямо в этот момент я просто хочу наслаждаться ею.

– Пообещай, что найдешь меня, Винс, – шепчет Элисон, когда я провожаю ее до такси.

Мы стоим у открытой задней двери машины, я держу ее лицо в своих ладонях, а она доверчиво смотрит мне в глаза.

– Обещаю.

– Если ты не сдержишь обещание, то я найду себе другого мужчину, – угрожает она, хмурясь.

Я улыбаюсь, несмотря на то, что ее слова мне не понравились.

– Сколько ты готова прождать меня, детка?

– Ровно два месяца и ни днем больше. Шестидесять дней. Если на шестидесятый ты не объявишься, считай, что меня в твоей жизни никогда не было.

– А если у меня будет объективная причина?

– Мне плевать, – отрезает она, и я улыбаюсь. Дерзкая характерная девочка.

– Тогда в моих же интересах появиться в срок.

– Мы обменяемся телефонами? – спрашивает она.

– Нет. – Ее удивляет мой ответ, и она немного скисает. – Не хочу общаться по телефону или сообщениями. Хочу лично.

Элисон слегка прищуривается, глядя на меня, как будто выискивает ответы на незаданные вопросы. Пока что она ничего от меня не добьется, потому что я сам еще не принял никакого решения. Есть в моей жизни препятствие для любых отношений. И теперь мне предстоит решить, что с этим препятствием делать и могу ли я его устранить. Потому что это не столько вопрос времени и трудов, сколько морали. Прямо в эту секунду я не готов бороться с собой и сталкиваться с проблемой лицом к лицу. Поэтому снова нежно целую Элисон, чтобы предотвратить поток новых вопросов, и усаживаю ее в такси.

Как только машина удаляется по извилистой дороге и исчезает за деревьями, рядом со мной становится Одри, и мы вместе смотрим в том направлении, куда уехала Эли.

– Ну и что на этот раз тебя остановило?

– От чего? – искренне удивляюсь я.

– Вы же почти две недели друг за другом по пятам ходили, обменивались многозначительными взглядами и флиртовали. Со слов Эли я поняла, что вы так и не переспали. Вот и спрашиваю: что тебя остановило?

– А почему ты спросила с оговоркой про этот раз?

– Помню ту девицу в клубе, Грейс. Тогда, насколько я помню, ты не захотел отношений, потому что она пришла с другим Домом. Что с Эли не так? – Одри кивает подбородком в сторону дороги, мы разворачиваемся и бредем, не сговариваясь, к тропинке в лес.

– Нет, Грейс и Эли – это две разные истории. Про Грейс ты угадала. Но Элисон... Ей нужны отношения, понимаешь? Она не согласится быть просто приходящей сабой, которая будет помогать сбрасывать напряжение. Эли – это прогулки под луной, цветы, ужины при свечах, страстные речи и первая ночь на постели, усыпанной лепестками роз.

– Что в этом плохого, Винс? Тебе не хочется стабильных отношений?

– У меня уже одни есть. С Дианой.

– Это с сабой? – с ухмылкой уточняет Одри, и я киваю. – Ты же понимаешь, что я говорю о нормальных человеческих отношениях. Неужели не хочется всей этой романтики, заботы, тепла, любви, в конце концов?

Я останавливаюсь и поворачиваюсь к Одри.

– Мы так устроены, что каждый из нас нуждается во всем том, что ты перечислила. Но прежде, чем начинать отношения, каждому человеку полезно спросить себя: что я могу дать взамен? Что хорошего я привнесу в жизнь этого мужчины или этой женщины? – делаю паузу, чтобы у Одри было время осознать, что именно я пытаюсь сказать. – Все отношения, Одри, ведут к логическому развитию. Если мы говорим о любовных отношениях, то это первые свидания, секс, встречи, совместное проживание, брак, дети, старость. Со мной у Эли этого логического развития не будет.

– Но почему ты так считаешь?

– Представь себе: мы женимся, и у нас рождаются дети. Приходит мой сын в школу классе во втором, и учитель спрашивает: «Эй, малыш, а кем работает твой папа?». А мой ребенок выдает: «Мой папа работает владельцем БДСМ-клуба. Вот вам бесплатный билет на день открытых дверей».

Произношу это и начинаю снова идти по тропинке. Рядом со мной раздается громкий смех Одри. Она едва сдерживает похрюкивание, так сильно хохочет. А мне не смешно. Совершенно. Я не сожалею о выборе, сделанном в жизни, и ни на минуту не сомневаюсь в его правильности. Лишь иногда ощущаю грусть, когда понимаю, что с моими обстоятельствами я вряд ли когда-нибудь смогу дать достойной девушке то, о чем каждая мечтает, – нормальную семью. И дело не в клубе и моих сексуальных предпочтениях, а в том, что одну из них я уже когда-то пытался осчастливить. И все закончилось плохо.

Когда Одри перестает смеяться, она вытирает слезы и снова равняется со мной.

– У меня на всю твою пламенную речь только один ответ, Винс. Ты идиот, раз сознательно лишаешь себя счастья.

– Я счастлив, – отвечаю ей, щедро сдабривая голос радостью.

Не знаю, верит она мне или нет. Потому что в первую очередь я пытаюсь убедить в этом самого себя.

Глава 8.1

Полгода спустя...

– Дарк, ты приучаешь ребенка к правильному сексу прямо в утробе, – со смехом говорю я, наклонившись к небольшому аккуратному животу Айви.

Когда поднимаю голову, узнаю мрачное выражение лица моего друга. Он смотрит на меня хмуро, а потом цедит сквозь зубы:

– Если бы ты не был моим другом, то сейчас собирал бы свои зубы поломанными пальцами.

Я смеюсь и хлопаю его по плечу.

– Он наконец признал, что мы друзья! – выкрикиваю и обнимаю его, пока остальные друзья смеются над нашей встречей.

– Представление начнется через час, а пока, друзья, призываю слегка набраться. – указываю рукой на бар, где нас уже ожидает бармен, готовый принимать заказы.

Мы усаживаемся за стойку, и уже через пару минут перед каждым из нас появляются напитки.

– Дарк, вы, надеюсь, сможете прийти на нашу свадьбу, – спрашивает Келлан, указывая кивком на живот Айви.

– Да, рожать только через четыре месяца.

– Отлично, – отзывается Одри.

– А что за спешка со свадьбой? – спрашивает Айви у Одри, но я не слушаю ответ, потому что ко мне подходит Маркус.

– Приветствую тебя, друг мой, – здороваюсь, пожимая его руку.

– У нас все готово, так что начнем без проволочек, – говорит он.

– Рад это слышать.

– Не передумал?

Качаю головой.

– Нет, в этот раз без моего участия.

– Но твоя саба будет, – в сотый раз пытается он убедить меня.

– И она отлично справится. Желаю хорошо повеселиться.

– Непременно, спасибо.

Как только Маркус отходит, рядом со мной приземляется Одри. Она покачивает в руке бокал с мартини и заглядывает мне в глаза. Прищуривается, и я понимаю, какой вопрос сейчас задаст.

– Я не думал о ней, – бурчу, делая глоток виски.

– Врешь, док. Знаю, что думал.

Думал. Каждый день. Каждую гребаную минуту думал. Не могу выбросить ее из головы. Я специально не приехал к ней по возвращении в Вегас. Потому что знал, что так будет правильно. Она бы вряд ли согласилась на роль второго плана, а насчет первой я так и не договорился со своей совестью, хотя пытался. Я правда намеревался уговорить самого себя наконец оборвать связь с прошлым и начать двигаться дальше. Но так и не решился сделать главный шаг, который позволил бы мне свободно вдохнуть. Поэтому наказываю себя за малодушие каждый день. Чаще всего я делаю это так: ложусь на кровать, закрываю глаза и позволяю себе вспоминать. Ее вкус. Запах. Ощущения, которые испытывал, касаясь ее нежной кожи. Звуки, которые она издавала, граничащие между мурлыканьем и стоном. Я представляю себе, как бы она звучала, если бы я ей позволил не сдерживать себя. А после этого ложусь спать возбужденным, не позволяя себе даже передернуть, чтобы снять напряжение.

Через месяц после возвращения я поменял сабу. Блондинку на брюнетку. По понятным и абсолютно конченным причинам. Не должен был. Правильно было забыть Элисон и двигаться дальше. Но кто сказал, что я всегда поступаю правильно? Я учу других поступать правильно, в то время как сам лажаю на каждом шагу.

– Ладно, я не поэтому подседа, – продолжает Одри, погладив меня по упакованному в идеально отглаженные брюки колену. – Хотела тебе сказать, что Элисон будет на нашей свадьбе.

Я резко дергаю головой, поворачиваясь к ней.

– Одна?

Одри медленно качает головой, внимательно меня рассматривая.

– С парой.

Сжимаю челюсти и опускаю голову, глядя на край барной стойки.

– Ладно, – отвечаю коротко.

– А ты? С парой?

– Один.

– Ты сегодня такой общительный, Винс, – говорит Одри, пытаюсь разрядить обстановку. И при других обстоятельствах я бы уже отшутился в своей привычной манере. Но не тогда, когда речь об Элисон.

– Когда я успел так запасть на нее, детка? – тихо спрашиваю, глядя на подругу.

– На нее тяжело не запасть, док. Она невероятная.

– И я ее недостоин.

– Ну что за глупости? Ты это говоришь из-за клуба? Может, ей понравится то, что ты умеешь. Ты ведь даже не пытался.

– Когда-то ты сказала, что я ее погублю.

– А так ты губишь самого себя. Посмотри, как все мы счастливы со своими половинками.

Пора и тебе найти свою тихую гавань.

– Господи, женщина? Ты точно была Доминатрикс? О какой, нахер, гавани ты говоришь? – спрашиваю я, смеясь.

Одри слегка краснеет.

– Я тут записалась в литературный клуб, – смущаясь, говорит она.

Мой смех становится чересчур громким и привлекает внимание окружающих. Одри шлепает меня по бедру и пытается встать со стула, чтобы свалить от меня подальше, но я усаживаю ее на место.

– Прости, детка. Но ты и литературный клуб – это как два разных полюса. Разве только если вы там голые и шлепаете друг друга книжками, – продолжаю я хохотать, и Одри подхватывает мое настроение.

– Придурок.

– Так и есть, малышка. Нет, ну правда, – спрашиваю, отсмеявшись, – что побудило тебя туда пойти?

– Не знаю, Кел в последнее время часто в командировках, а мне нужно было хобби, чтобы не сидеть одной в четырех стенах.

– То есть, скоростная свадьба тебе хлопот не прибавила?

– За меня все делает организатор. Мне только нужно отправлять «да» или «нет» на его сообщения. Скукота.

– Почему сама не занялась организацией?

– Потому что скукота, сказала же. Слушай, ты справишься с появлением Эли на свадьбе? – спрашивает она наконец.

– Эй, малышка, не волнуйся на этот счет. Со мной все будет хорошо. Это же твой старый доктор Ви. Я буду в порядке.

– Ну ладно, – нежно отзывается она, встает и, чмокнув меня в щеку, возвращается к своему жениху.

Через неполный час начинается показательная сессия. Сегодняшняя вечеринка в клубе только для своих. Никого постороннего. Приватные комнаты только для близких друзей. Потому что сегодня мне исполнилось тридцать, и клуб празднует его по своим традициям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.